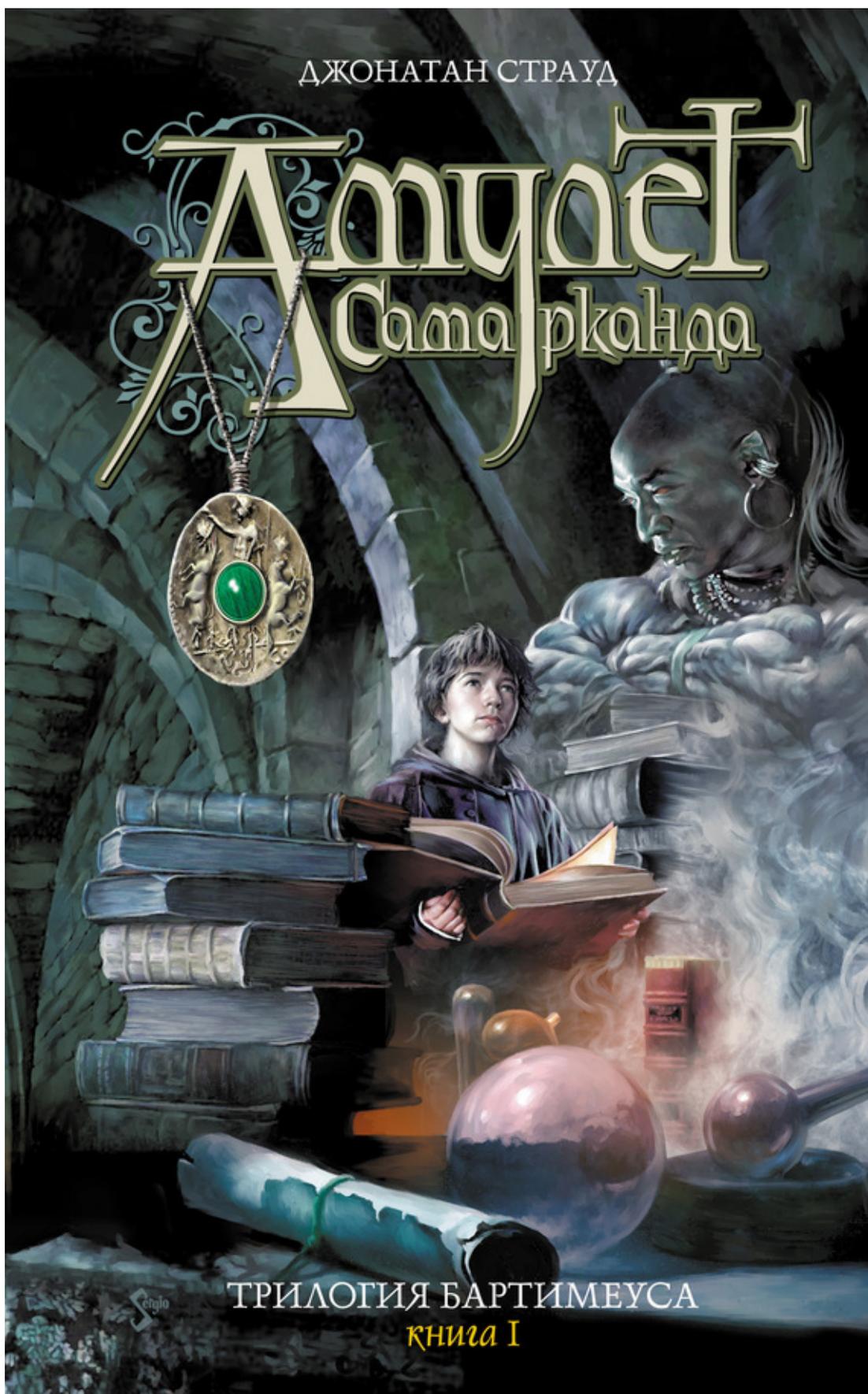

ДЖОНАТАН СТРАУД

Амгаел

Самарканда

ТРИЛОГИЯ БАРТИМЕУСА
книга I

Джонатан Страуд
Амулет Самарканда
Серия «Трилогия Бартимеуса», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124069

Трилогия Бартимеуса. Книга 1. Амулет Самарканда: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2010

ISBN 5-699-12893-X, 978-5-699-12893-8

Аннотация

Эта история произошла в Лондоне в начале третьего тысячелетия. Вот только это вовсе не тот Лондон, который мы знаем. Хотя бы потому, что волшебники там – весьма обыденное явление. Равно как и демоны – джинны, бесы, африты и многие другие.

Волшебники призывают демонов и при помощи заклинаний принуждают их выполнять свои приказы. Демонам это, разумеется, совсем не нравится. Так что, когда юный ученик волшебника вызвал джинна по имени Бартимеус, джинн хотел только одного: побыстрее выполнить прихоть хозяина – выкрасть могущественный Амулет Самарканда у другого волшебника – и забыть о настырном мальчишке. Однако все оказалось далеко не так просто...

Содержание

Часть первая	4
Бартимеус	4
1	4
2	7
3	8
4	9
Натаниэль	16
5	16
Бартимеус	20
6	20
7	23
Натаниэль	28
8	28
9	34
Бартимеус	41
10	41
11	45
Натаниэль	51
12	51
13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джонатан Страуд

Трилогия Бартимеуса.

Книга 1. Амулет Самарканда

Джине

Часть первая

Бартимеус

1

С каждой секундой становилось все холоднее. Шторы заледенели, а вокруг люстры образовалась толстая корка льда. Нити накаливания в лампочках съежились и потускнели, а огоньки свечей, торчащих отовсюду, словно поганки, затрепетали и погасли. В комнате потемнело; ее заполнило желтое, удушливое серное облако, в нем клубились и корчились расплывчатые черные тени. Откуда-то издалека донесся многоголосый крик. Что-то с силой надавило на дверь, выходящую на лестничную площадку. Дверь прогнулась внутрь; дерево застонало. По половицам протопали невидимые ноги, а невидимые рты зашептали всякие гадости из-под стола и из-за кровати.

Серное облако сгустилось и превратилось в столб дыма. Толстый столб постоянно выбрасывал тонкие шупальца. Они лизали воздух, словно языки, и тут же отдергивались. Столб завис в центре пентакля, вспенился и устремился вверх, будто дым над извергающимся вулканом. На едва уловимое мгновение все замерло. Затем среди дыма возникли два желтых, широко распахнутых глаза.

Ну захотелось мне припугнуть новичка!

В чем я и преуспел.

Во втором пентакле, расположенном в метре от главного, стоял темноволосый парнишка. Его пентакль был меньше и заполнен иными рунами, чем мой. Мальчишка был бледен как смерть, дрожал как осиновый лист и стучал зубами. Со лба его срывались капли пота, на лету превращались в льдинки и со звоном, словно градины, падали на пол.

Я, конечно, постарался на славу, но толку-то с этого! В смысле – ему же лет двенадцать! Глаза как блюдца, щеки впалые. Пугать до полусмерти тощего пацана – тоже мне удовольствие!¹

Потому я просто парил в воздухе и ждал. Авось ему потребуется не так много времени, чтобы дойти до освобождающего заклятия. А покамест я, чтобы поразвлечься, окружил его пентакль синим пламенем. Огненные языки делали вид, будто пытаются прорваться внутрь и схватить мальчишку. Естественно, исключительно зрелищности ради. Я уже все проверил и убедился, что печать наложена совершенно правильно. Нигде ни единой ошибки. Увы.

---

¹ Нет, я знаю, что тут со мной многие не согласятся. Некоторые считают это презанятной потехой. Они без конца совершенствуют ужасные облики, дабы изводить тех, кто их вызывает. Обычно пользы с этого никакой – разве что обеспечишь непрошеного гостя кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Но иногда уловка срабатывает настолько успешно, что новичок впадает в панику и выходит из защитного круга. Такой оборот, конечно, нам на руку. Но все равно дело это рискованное. Частенько они бывают неплохо обучены. И когда подрастают, норовят отомстить.

Во всяком случае, похоже было, будто сорванец собирается с духом, чтобы заговорить. Мне так показалось по его дрожащим губам – вроде бы дрожали они не только от страха. Я убрал огонь и заменил его отвратительной вонью. Мальчишка заговорил. На редкость писклявым голосом.

– Я велю, чтобы ты... ты...

Ну, давай же!

– ...чтобы ты назвал свое имя!

Да, обычно молодежь именно с этого и начинается. Полная бессмыслица. Он и так уже знает мое имя и знает, что я знаю, что он знает. А иначе как бы он меня вызвал? Для вызова демона необходимы правильные слова, правильные действия и – самое главное – правильное имя. Это вам не такси вызывать – надо четко знать, кто тебе нужен, иначе ничего не получится.

Я выбрал низкий, звучный, бархатистый голос – такой, который исходит отовсюду и в то же время ниоткуда, и от звуков которого у многих с непривычки волосы встают дыбом.

– БАРТИМЕУС!

Пацаненок, заслышав это имя, судорожно сглотнул. Ага, уже неплохо. Значит, не дурак – знает, кто я и что я. И знает мою репутацию.

Он помедлил мгновение, чтобы справиться с накопившейся во рту слюной, потом снова заговорил:

– Я вновь велю тебе ответить: ты – тот самый Бартимеус, которого в давние времена вызвали, чтобы отстроить заново стены Праги?

Нет, парень просто мастер попусту время тратить. Естественно, тогда, в Праге, был я. Кто ж еще? Я чуток подбавил мощности. Лед на лампочках пошел трещинами, словно жженный сахар.

Оконное стекло за грязными занавесками замерцало и загудело. Мальчишка покачнулся.

– Я – Бартимеус! Я – Сакар аль-Джинни, Н’горсо Могучий, Серебряный Пернатый Змей! Я восстановил стены Урука, Карнака и Праги. Я беседовал с Соломоном. Я мчался по прерии с предками бизонов. Я хранил Старое Зимбабве, пока стены не рухнули и шакалы не пожрали его народ. Я – Бартимеус! Я не признаю никаких господ. И потому я, в свой черед, требую ответа от тебя, мальчишка. Кто ты такой, чтобы вызывать меня?

Впечатляет, а? И к тому же все, от начала до конца, чистая правда, что придает словам еще больше силы. И вовсе я не хвастался попусту. Просто надеялся, что парнишка с перепугу назовет свое имя – и тогда пусть он только повернется ко мне спиной, я уж что-нибудь придумаю!²

Увы, номер не сработал.

– Я – твой господин, силою уз круга, граней пентакля и цепью рун! Ты будешь повиноваться моей воле!

Выслушивать этот старый вызов от худосочного подростка с его смехотворным писклявым голосом было особенно оскорбительно. Мне захотелось высказать все, что я о нем думаю, но я поборол искушение и нараспев затянул традиционный ответ. Чем быстрее все это закончится, тем лучше для меня.

– Какова твоя воля?

Честно признаться, к тому времени мальчишка уже успел меня удивить. Большинство начинающих волшебников сперва присматриваются, а потом уже задают вопросы. Они гла-

---

² Нет, я, конечно, ничего не мог с ним поделать, пока находился в круге. Но я мог бы потом выяснить, кто он такой, нащупать его слабые места, разузнать какие-нибудь подробности, на которых можно сыграть. Они есть у всех. В смысле, у вас у всех.

зеют на витрины, прицениваются к потенциальному могуществу, но подойти и взять, что хочется, – духу у них не хватает. И вообще нечасто бывает, чтобы такой сопляк набрался наглости вызвать существо вроде меня.

Мальчишка кашлянул, прочищая горло. Его звездный час настал. Он много лет грезил об этом, ворочаясь в постели перед сном – вместо того чтобы мечтать о гоночных автомобилях или девчонках. Я мрачно ожидал, когда же он изложит свою жалкую просьбу. Ну, и что это будет? Обычно они просят заставить воспарить какую-нибудь вещь или переместить ее из одного угла комнаты в другой. Возможно, он захочет, чтобы я сотворил иллюзию. Неплохая возможность позабавиться. Всегда существует способ истолковать подобную просьбу превратно и вывести просителя из душевного равновесия³.

– Я велю тебе похитить Амулет Самарканда из дома Саймона Лавлейса и завтра на рассвете, когда я снова тебя вызову, отдать Амулет мне.

– Чего?!

– Я велю тебе похитить...

– Спасибо, я не глухой.

Я вовсе не собирался хамить. Как-то само вырвалось. Я даже замогильный тон позабыл поддерживать.

– Тогда ступай!

– Эй, подожди минутку!

Меня слегка замутило, как всегда бывает, когда тебя отсылают. Гнусное ощущение – как будто кто-то пытается изнутри тебя просморкать дорогу на волю. Если у тебя хватает наглости задержаться, заклинателю приходится приказывать трижды, прежде чем он сможет от тебя отделаться. Правда, обычно мы не особенно упрямы. Но на этот раз я не сдвинулся с места – два горящих глаза посреди бурлящих клубов дыма.

– Малый, ты вообще понимаешь, о чем просишь?

– Я не стану вступать с тобою в беседы либо споры, не стану играть в загадки либо азартные игры, не...

– Слушай, я и сам не жажду вступать в беседы с тощей недорослью вроде тебя, так что оставь всю эту зубренную чушь при себе. Кто-то пытается тебя использовать. Небось твой хозяин, да? Какой-нибудь трусливый высохший хрыч, прячущийся за спиной мальчишки.

Я позволил дыму немного развеяться, и мой парящий силуэт впервые выступил из тени.

– А задумав с моей помощью ограбить настоящего волшебника, ты вдвойне играешь с огнем. Где мы сейчас? В Лондоне?

Мальчишка кивнул. Ну конечно же, это был Лондон. Какой-то безобразный домишка в центре города. Я осмотрел комнату, насколько что-то можно было разглядеть сквозь едкие испарения. Низкий потолок, пузырящиеся обои. На стене – одна-единственная поблекшая репродукция, унылый голландский пейзаж. Хм, необычный выбор для мальчишки. Я бы скорее ожидал увидеть портреты поп-звезд или знаменитых футболистов. Волшебники в массе своей конформисты, даже юные.

Голос мой смягчился, и в нем зазвучала смутная тоска.

– Этот мир жесток, а ты далеко не все о нем знаешь.

– Я тебя не боюсь! Ты слышал мое повеление, а теперь – изыди!

Второй приказ удалиться. Такое ощущение, будто по моим внутренностям прокатился паровой каток. Я почувствовал, как мой силуэт затрепетал, словно огонек свечи. Да, паренек хоть и молод, но с задатками могущественного волшебника.

---

³ Например, один волшебник потребовал, чтобы я показал ему величайшую любовь всей его жизни. Так я подсунул ему зеркало.

– Вовсе не меня тебе надо бояться. Во всяком случае пока. Стоит Саймону Лавлейсу обнаружить, что его Амулет украден, и он заявится к тебе. И не посмотрит, что ты еще ребенок.

– У тебя нет выбора. Ты выполнишь мою волю.

– Да.

Да уж, парень, надо отдать ему должное, непреклонен. И очень глуп.

Он взмахнул рукой. До меня донеслись первые слова Направленного Ущемления. Мальчишка готов был причинять боль.

Я оставил его. И на сей раз не стал тратить силы на спецэффекты.

2

Когда я опустил на верхушку уличного фонаря, лондонские сумерки пронизывал гнусный морозящий дождик. Вечно мне везет, ничего не скажешь. Я пребывал в образе черного дрозда, бойкой птахи с ярко-желтым клювом и блестящим черным оперением. Несколько секунд спустя я уже был столь же мокрым и нахохлившимся, как и любая другая птица в Хэмпстеде. Я повертел головой и углядел на другой стороне улицы здоровенный бук. Ноябрьские ветра уже успели сорвать с него всю листву, и теперь она гнила у подножия дерева, но густое переплетение ветвей все-таки обещало хоть какое-то укрытие от дождя. Я пролетел над одинокой машиной, с урчанием ползущей куда-то по широкой пригородной дороге, и вспорхнул на бук. Вдоль улицы стояли немаленькие виллы, окруженные вечно-зелеными садами и высокими заборами. В сумерках их уродливые фасады белели, словно лица мертвецов.

Впрочем, я был не в духе, может, потому мне все и виделось таким мрачным. Меня раздражали пять пунктов. Во-первых, тупая ноющая боль, сопровождающая любую физическую манифестацию. Я ее просто-таки каждым перышком чувствовал. Изменение облика ненадолго притупляет боль, но зато может привлечь ко мне внимание. Причем в самый неподходящий момент. Значит, до тех пор, пока я не буду уверен, что меня никто не видит, придется оставаться птицей.

Во-вторых – погода. Вышеупомянутая.

В-третьих, я позабыл об ограниченных возможностях материальных тел. Вот сейчас, например, у меня зудело над самым клювом, и я тщетно пытался почесать это место крылом.

Четвертым был давешний мальчишка. Прорва неясностей. Кто он такой? С чего ему вдруг взбрела на ум столь опасная прихоть? Как мне с ним расквитаться за то, что он меня втравил в это дело, прежде чем он умрет?

В-пятых... В-пятых – сам Амулет. Это – очень могущественный артефакт, по любым меркам. Что мальчишка собирается с ним делать, когда его заполучит, – это было выше моего понимания. Парень же не умеет им пользоваться! Возможно, будет носить, словно некое сверхмодное украшение. А может, это последний писк моды среди магов – воровать друг у друга могущественные артефакты. Простые люди колпаки с колесных дисков крадут, а волшебники – амулеты. Но даже если и так, я никогда прежде не занимался подобными кражами. А дело может оказаться непростым даже для меня. Я закрыл свои птичьи глаза и открыл глаза внутренние, одни за другими, на разных планах⁴.

Я огляделся по сторонам, перескакивая с ветки на ветку в поисках наилучшего обзора. Как минимум у трех вилл, стоящих вдоль улицы, имелась магическая защита – наглядное доказательство фешенебельности района. Те две, что находились подальше, я изучать не

---

⁴ У меня имеется доступ на семь сосуществующих планов бытия. Они частично перекрывают друг друга, будто слои помявшегося венского торта. Семи планов кому угодно хватит за глаза и за уши. Те, кто действует на большем количестве, просто выделяются.

стал. Меня интересовала вилла, стоящая через дорогу – в некотором отдалении от проезжей части, так, что свет уличных фонарей до нее не доставал. Резиденция Саймона Лавлейса, волшебника. На первом плане все было чисто, но на втором владелец поместья потрудился сварганить защитную цепь; она опутывала высокую стену сада, словно синяя светящаяся паутинка. Но этим дело не ограничивалось: свечение уходило вверх, образуя огромный мерцающий купол над невысоким белым домом.

Что ж, придумано неплохо. Но мне по зубам.

Ни на третьем, ни на четвертом планах ничего не было. А вот на пятом я углядел троих сторожей-охранников, рыщущих в воздухе, над самой кромкой стены. Они были сплошь тускло-желтые. Передвигались эти ребята на трех мускулистых ногах, причем каждая нога описывала полный круг, так что движение их конечностей напоминало вращающийся в вертикальной плоскости трехлопастный винт, насаженный на хрящ-ступицу. Над ступицей клубилась какая-то расплывчатая масса, а в ней красовались два рта и несколько внимательных глаз. Охранники беспорядочно носились по периметру сада. Издали я выглядел дроздом на всех семи планах. Но если подберусь поближе, не исключено, что они раскусят мою маскировку.

На шестом плане было чисто. А на седьмом... Хм, любопытно. На седьмом вроде бы ничего подозрительного не наблюдалось: обычный дом, обычная дорога, обычная ночь; но я был абсолютно уверен – нутром чуял, если хотите, – что-то там притаилось. Я с сомнением почесал клюв об нарост на стволе. Как и следовало ожидать, здесь была задействована мощная магия, причем в избытке. Я слышал о Лавлейсе. У него была репутация грозного волшебника и безжалостного повелителя. Мне как-то везло – меня Лавлейс никогда не вызывал, и теперь я вовсе не жажду испортить отношения с ним или его слугами.

Но у меня не было выбора – я должен был выполнить приказ мальчишки.

Насквозь промокший дрозд спикировал с ветки и перелетел через дорогу, старательно обогнув круг света от уличного фонаря. Птаха приземлилась у угла ограды, на пяточок, заросший чахлой травой. На пяточке валялись четыре черных мешка с мусором, ждали утра и мусорщиков, которые их подберут. Дрозд вприпрыжку скрылся за метками. Кот, наблюдавший за птицей с некоторого расстояния⁵, несколько мгновений ожидал, что та выпорхнет, не дождался и из любопытства сунулся за ней. Но дрозда за мешками не оказалось. И вообще никаких птиц там не было – лишь свежая кротовина.

3

Терпеть не могу вкус грязи. Неподходящая это субстанция для существа, сотворенного из воздуха и огня. Назойливая тяжесть земли здорово меня угнетает всякий раз, когда приходится близко соприкоснуться с этой стихией. Потому-то я очень привередлив в выборе воплощений. Птицы? Прекрасно. Насекомые? Отлично. Летучие мыши? В самый раз. Всякие быстро бегающие твари – тоже неплохо. Лазающие по деревьям – еще лучше. Те, кто копошится под землей, – мерзость. Кроты – хуже некуда.

Но когда надо обойти охранный щит, особо привередничать не приходится. Я предположил, что под землю он не уходит, и оказался прав. Крот прокопал себе дорогу глубоко внизу, под основанием стены. Магическая сигнализация не сработала, хотя я раз пять ударился головой об камень⁶. Но я продолжал рыть, и через двадцать минут копания, сопения и ворочения носа от дождевых червяков я очутился на поверхности.

---

⁵ На двух планах сразу. Коты это умеют.

⁶ Об пять разных камней, а не пять раз об один и тот же. Это я так, на всякий случай уточняю. Люди иногда бывают

Крот осторожно высунул голову из небольшого земляного холмика, образовавшегося посреди безукоризненно ухоженного лавлейсовского газона. Зверек огляделся по сторонам, проверяя, что творится вокруг. В доме, в окнах первого этажа, горел свет. Шторы были задернуты. Окна верхних этажей, насколько мог видеть крот, были темны. Над головой высился полупрозрачный синеватый свод магического защитного купола. Один из желтых караульных тупо катился в трех метрах над живой изгородью. Остальные двое, скорее всего, находились сейчас с другой стороны дома.

Я еще разок попробовал заглянуть на седьмой план. И снова ничего. И снова все то же ощущение притаившейся опасности. Ну, ладно.

Крот вернулся под землю, двинулся под корнями травы по направлению к дому и вынырнул посреди клумбы, расположенной прямехонько под ближайшими окнами. Тут я всерьез задумался. Невзирая на искушение прокопаться в подвал, двигаться дальше в этом облике не стоило. Надо было придумать что-нибудь другое.

До поросших шерстью ушей крота донесся смех и звон бокалов. Звук был на удивление громким, как будто раздавался совсем рядом. В стене, в каком-нибудь полуметре от меня, красовалась потемневшая от времени решетка вентиляционного отверстия.

Я облегченно вздохнул и превратился в муху.

4

Прячась за вентиляционной решеткой, где меня никто не мог видеть, я оглядел своими фасеточными глазами вполне традиционную гостиную. Толстый пушистый ковер, тошнотворные полосатые обои, кошмарная хрустальная конструкция, претендующая на роль люстры, две потемневшие от времени картины маслом, диван и два удобных кресла (тоже полосатые), низенький кофейный столик с серебряным подносом на нем, а на подносе – бутылка красного вина. Бокалов на подносе не было. Они обнаружили в руках у тех двоих, что пребывали в комнате.

Одной из них была женщина. Она выглядела довольно молодо (а для людей это означало, что она чрезвычайно юна) и, пожалуй, была довольна хороша собою, на эдакий чувственный манер. Большие глаза, коротко подстриженные темные волосы. Я машинально запомнил ее внешность. Завтра, когда я отправлюсь с визитом к мальчишке, нужно будет явиться в ее облике. Только в обнаженном виде. Посмотрим, как на это отреагирует его непреклонный, но все-таки незрелый разум!⁷

Впрочем, в тот момент меня куда сильнее интересовал мужчина, которому эта женщина улыбалась. Он был высок, худощав и красив несколько педантичной красотой. Волосы, прилизанные при помощи какого-то сильно пахнущего геля. Небольшие круглые очки. Крупный рот с хорошими зубами. Выступающий вперед подбородок. Что-то мне подсказывало, что это и есть тот самый волшебник, Саймон Лавлейс, – то ли неуловимая аура силы и власти, то ли собственнический жест, которым он обвел гостиную, то ли мелкий бесенок на втором плане, парящий у него за плечом и бдительно высматривающий, не грозит ли хозяину какая опасность.

Я раздраженно потер передние лапки. Придется удвоить осторожность. Бесенок сильно осложняет дело⁸.

поразительно тупыми.

⁷ Для любопытных объясняю: для меня не составляет ни малейшего труда превратиться в женщину. Точно так же, как и в мужчину. Пожалуй, женщины в некоторых отношениях сложнее, но я не стану сейчас в это вдаваться. Женщина, мужчина, крот, личинка – все они, по большому счету, одинаковы. Разве что мыслительные способности малость разнятся.

⁸ Только не поймите меня неправильно. Я вовсе не боялся этого бесенка. Я бы мог его прихлопнуть одним пальцем. Но он находился здесь по двум причинам: потому, что был безгранично предан хозяину, и потому, что отличался особой

Жаль, что я не превратился в паука. Они способны часами сидеть неподвижно и ни о чем не думать. Мухи куда более нервны и подвижны. Но если сменить облик прямо здесь, раб волшебника наверняка меня засечет. Пришлось принудить мое тело затаиться и не обращать внимания на боль, которая вновь настигла меня. На этот раз она нарастала под хитиновой оболочкой.

Волшебник толкал речь и был всецело поглощен этим занятием. Дамочка тарасилась на него глазами влюбленного спаниеля, такими круглыми, глупыми и восхищенными, что мне захотелось ее укусить.

– ...это великолепнейшая возможность, Аманда. Ты станешь одной из тех, кого зовут сливками лондонского общества! Ты знаешь, что сам премьер-министр высказывал желание взглянуть на твое поместье? Я сумел этого добиться. Мои враги несколько недель преследовали его своими гнусными инсинуациями, но он по-прежнему намерен провести конференцию в твоём поместье. Так что, как видишь, любовь моя, я по-прежнему способен влиять на него, когда дело того стоит. Главное – знать, как сыграть на его слабостях, как подольститься к его самолюбию... Между нами говоря, он ведь на самом-то деле довольно слаб. Его конек – Очарование, но в нынешние времена премьер-министр даже эту магию редко пускает в ход. Да и зачем? У него достаточно людей в штатском, которые сделают за него...

Лавлейс трещал без умолку, так и сыпал именами тех или иных шишек. Женщина потягивала вино, кивала, удивленно ахала и восклицала в нужных местах, и придвигалась к нему поближе. Я чуть не зажужжал от скуки⁹.

Внезапно бесенок насторожился. Он развернул голову на сто восемьдесят градусов, уставился на дверь, располагавшуюся в противоположном конце гостиной, и осторожно ущипнул волшебника за ухо, о чем-то его предупреждая. Несколько секунд спустя дверь отворилась, и в гостиную почтительно вступил лысый лакей в черной ливрее.

– Прошу прощения за беспокойство, сэръ, но ваша машина готова.

– Спасибо, Картер. Мы будем через минуту.

Лакей удалился. Волшебник поставил свой (по-прежнему полный) бокал обратно на столик и галантно поцеловал даме руку. Бесенок у него за спиной скривился, демонстрируя глубочайшее отвращение.

– Мне страшно не хочется идти, Аманда, но долг зовет. Сегодня я уже не вернусь домой. Можно, я тебе позвоню? Сходим завтра вечером в театр?

– Это было бы чудно, Саймон.

– Тогда договорились. Один мой друг, Мейкпис, поставил новую пьесу. Я сейчас же закажу билеты. Ну а пока что Картер отвезет тебя домой.

Мужчина, женщина и бесенок вышли, оставив дверь приоткрытой. У них за спиной осторожная муха выползла из укрытия и беззвучно перелетела через комнату к новому наблюдательному пункту, откуда был виден холл. Несколько минут были заполнены бурной деятельностью: пальто надевались, распоряжения отдавались, двери хлопали. Затем волшебник отбыл.

Я вылетел в холл. Он был широким и холодным; пол был выложен черными и белыми плитками. В огромных керамических горшках росли ярко-зеленые папоротники. Я покружил вокруг люстры, прислушиваясь. В доме было очень тихо. Звуки доносились лишь из

наблюдательностью. Ему хватило бы секунды, чтобы раскусить мою искусно сотворенную мушиную личину.

⁹ Если бы этот разговор услышал кто-нибудь из людей, у него наверняка челюсть бы отвисла от изумления, ибо волшебник сделал на редкость подробный доклад о коррупции в британском правительстве. Но мне-то до этого не было никакого дела! Я видел, как рассыпалось в пыль множество цивилизаций, куда более могучих, чем эта, и подобные мелочи меня не интересовали. И потому я, чтоб убить время, безуспешно пытался припомнить, какие сверхъестественные силы мог привлечь к себе на службу Саймон Лавлейс. К таким вещам лучше готовиться загадя.

кухни, и то вполне невинные: звон тарелок и кастрюль да изредка – громкая отрывка. Должно быть, у повара проблемы с желудком.

У меня мелькнула мысль пустить в ход осторожный магический импульс и попробовать с его помощью определить, где волшебник хранит свои магические артефакты. Но потом я решил, что это чересчур рискованно. Даже если внутри, в доме, нет никаких стражей, импульс могут засечь караульные, дежурящие на улице. Что ж, придется мне отправиться на поиски собственной мушиной персоной.

На всех планах было чисто. Я пролетел по коридору, а затем, доверившись интуиции, – вверх вдоль лестницы.

Лестничная площадка выходила в коридор. Пол застелен толстыми коврами; стены увешаны картинами. Меня сразу же заинтересовало ответвление, уходящее вправо: там, примерно на пол пути до конца коридора, притаился наблюдатель. Человек принял бы его за датчик противопожарной сигнализации, но на других планах проступал истинный облик наблюдателя: на потолке сидела жаба с пренеприятными выпученными глазами. Примерно раз в минуту она подпрыгивала на месте и немного разворачивалась. Когда волшебник вернется, сторож доложит ему обо всем, что происходило за это время.

Я направил в сторону жабы немножко магии. Из потолка вытек густой маслянистый пар и окутал наблюдателя. Пока временно ослепленная жаба в недоумении подпрыгивала и квакала, я пулей пронесся по коридору, к двери, расположенной в его торце. Из всех дверей, выходящих в этот коридор, лишь у этой не было замочной скважины. Под деревом, выкрашенным в белый цвет, скрывались металлические полосы. Целых две причины начать с этой двери.

Под дверью имелась крохотная щель. Она была слишком маленькой для насекомого, но мне все равно до боли хотелось измениться. Муха растаяла стружкой дыма, дым втянулся в щель – как раз в тот миг, когда паровая завеса, окутывавшая жабу-наблюдателя, развеялась.

В комнате я превратился в ребенка.

Если бы я знал, как зовут того подмастерья, то из чистой вредности принял бы его облик. Пускай бы Саймон Лавлейс поломал себе голову, распутывая это похищение. Но поскольку имени его я не знал, то и возможности такой не имел. Потому я превратился в мальчика, которого некогда знал и даже любил. Его прах давным-давно уплыл по водам Нила, так что мое преступление ничем ему не повредит. А мне приятно было его вспомнить. Мальчик был смуглым, с живыми, блестящими глазами; облачен он был в набедренную повязку. Он огляделся по сторонам, по своему обыкновению немного склонив голову набок.

В комнате не было ни единого окна. Вдоль стен стояло несколько застекленных шкафчиков, заполненных всякими магическими атрибутами. Большинство из них годились лишь для того, чтобы пускать пыль в глаза несведущему люду¹⁰. Но было здесь и несколько весьма любопытных вещичек.

Вот, например, рог для вызова демонов. Я знал, что он настоящий, поскольку мне при одном взгляде на него сделалось нехорошо. Стоит разок подуть в него, и все, кто окажется в пределах досягаемости волшебника, приползут к нему на брюхе и станут слезно молить, чтобы он им что-нибудь поручил. Жестокий и очень древний инструмент. Я обошел его сто-

---

¹⁰ Нет, для неволшебника все это выглядело достаточно внушительно. Тут можно было найти хрустальные шары, зеркала для прорицаний, черепа из гробниц, мощи святых, жезлы для заклинания духов, отнятые у сибирских шаманов, бутылки с кровью сомнительного происхождения, маски колдунов, чучела крокодилов, новомодные волшебные палочки, вешалку, на которой красовались плащи для разнообразных церемоний, и великое множество увесистых книг по магии. Фолианты выглядели так, словно их написали в незапамятные времена и переплели чуть ли не в человеческую кожу, но вполне вероятно, что их неделю назад изготовили в массовом порядке на какой-нибудь фабрике в Кэтфорде. Волшебники любят подобные штучки. Им нравится напускать на себя таинственность. А некоторые так и вовсе умудряются почти поверить во всю эту белиберду. И еще они просто обожают приводить непосвященных в трепет. А кроме того, подобные безделушки отвлекают внимание от истинного источника их силы. От нас.

роной. В другом шкафчике лежал глаз, вылепленный из глины. Мне уже случалось видеть такой – в голове голема. Интересно, этот идиот Лавлейс знает, какая мощь таится в глиняном глазу? Почти наверняка нет. Небось приобрел безделицу на ярмарке где-нибудь в Центральной Европе – так, в качестве сувенира. Магический туризм, блин¹¹. Ну что ж, если Лавлейсу не повезет, когда-нибудь эта штукавина его прикончит. И здесь же хранился Амулет Самарканда. Он располагался в отдельном небольшом ящичке, защищенный стеклом и собственной репутацией. Я подошел поближе, попутно прочесав планы на предмет затаившейся опасности. Ничего особенного я не обнаружил, но на седьмом плане чувствовалось какое-то движение. Не здесь, нет – но где-то поблизости. Надо поторапливаться.

Амулет, сделанный из потускневшего золота, был невелик. Он висел на короткой золотой цепи. В центре красовалась овальная нефритовая вставка. На Амulette был вычеканен несложный узор – стилизованное изображение бегущих коней. Кони были главным богатством некоего народа из Центральной Азии, три тысячи лет назад сотворившего Амулет, а затем схоронившего его вместе с одной из своих принцесс. Там его и нашел в пятидесятых годах двадцатого века какой-то русский археолог. У археолога его вскорости украл волшебник, распознавший ценность находки. Как Амулет попал к Саймону Лавлейсу и кого он ради этого убил или одурачил, я понятия не имел.

Я снова наклонил голову набок и прислушался. В доме было тихо.

Смуглый мальчик занес руку над шкафчиком и улыбнулся своему отражению, стиснувшему кулак.

А затем с силой опустил кулак на стекло.

Сотрясение магической энергии разнеслось по всем семи планам. Я схватил Амулет и надел на шею. Потом быстро развернулся. В комнате все было по-прежнему, но я чувствовал, как что-то движется по седьмому плану и стремительно приближается ко мне.

Время шнырять крадучись миновало.

Уже ринувшись к двери, я краем глаза увидел, как в воздухе внезапно открылся портал. Кто-то шагнул в комнату, заслонив черный проем.

Я налетел на дверь и врезал по ней своим мальчишечьим кулачком. Дверь сложилась пополам, словно игральная карта. Не медля ни мгновения, я бросился через порог.

Когда я очутился в коридоре, жаба тут же повернулась в мою сторону. Из ее распахнутой пасти вылетел ком зеленой слизи – сторожевая тварь метила мне в голову. Я увернулся, и ком врезался в стену, уничтожил картину и разъял обои и штукатурку до самых кирпичей.

Я швырнул в жабу заклинание Сжатия. Жаба жалобно квакнула, съежилась в маленький шарик и шлепнулась на пол. А я уже мчался дальше. На бегу я соорудил вокруг своего физического тела Щит – на случай, если в меня тоже что-нибудь метнут.

Как оказалось, это был мудрый шаг, ибо в следующее мгновение сверкнула зеленая вспышка и в пол буквально рядом со мной ударил сгусток энергии – преследователь сотворил заклинание Взрыва. Удар был столь силен, что меня швырнуло вперед и я врезался головой в стену. Зеленые языки пламени облизнули меня, оставив полосы на обоях, словно кто-то провел по стене гигантской рукой.

Я поднялся, стряхнув с себя осколки кирпича, и оглянулся.

В дальнем конце коридора в проеме разбитой двери стоял некто, принявший облик очень высокого мужчины с ярко-красной кожей и головой шакала.

---

¹¹ Они все на нем свихнулись: разъезжают с автобусными экскурсиями по местам всяких великих магических событий (или даже нанимают самолеты, благо, многие из волшебников не знают недостатка в средствах). Охают и ахают при виде всяких достопримечательностей – храмов, мест рождения разных прославившихся магов и мест их ужасной кончины. Так и норовят стырить обломок статуи или обшарить черный рынок в надежде купить по дешевке что-нибудь сногшибательное. Нет, меня так бесит вовсе не вандализм в отношении культурных ценностей. Просто эти волшебники-туристы невыносимо вульгарны.

– Бартимеус!!!

По коридору прокатился еще один Взрыв. Я сделал сальто в сторону лестницы и, когда Взрыв разнес в пыль угол стены, кубарем пролетел по перилам и проехал метра два по чернобелому полу, расколошматив множество плиток.

Я вскочил на ноги и взглянул в сторону главной двери. Сквозь матовое стекло виднелся желтый силуэт одного из караульных. Этот тупица притаился в засаде, не сообразив, что его могут увидеть изнутри. Я решил, что выйду где-нибудь в другом месте. Разум всегда берет верх над грубой силой!

Но все-таки мне нужно было убираться, и побыстрее. Доносившийся откуда-то сверху шум свидетельствовал о погоне. Я пробежал через пару комнат – библиотеку и столовую, – каждый раз кидаясь к окну и каждый раз отступая, поскольку за окном маячила какая-нибудь из желтых тварей, а то и не одна. Глупость охранников, заставлявшая их действовать столь тупо и прямо, была сопоставима лишь с моим нежеланием проверять, каким именно магическим оружием они оснащены.

Сзади кто-то яростно вопил, выкрикивая мое имя. Что-то мне подсказывало, что впереди меня не ждет ничего хорошего, и подсказывало все громче. Под эти вопли я распахнул очередную дверь и оказался на кухне. Межкомнатных дверей здесь больше не было, но зато был проход, ведущий во что-то вроде пристроенной теплицы; там росли травы и всякая зелень. За теплицей виднелся сад – и все те же трое караульных, с поразительной скоростью носившихся вдоль этой стороны дома на своих вращающихся ногах. Чтобы выиграть время, я наложил на дверь, сквозь которую вошел, Печать. Потом осмотрелся и увидел повара.

Повар восседал, откинувшись на спинку стула и водрузив ноги на кухонный стол. Тучный, жизнерадостный, красномордый дядька с огромным тесаком для рубки мяса в огромной лапнице. Занимался он тем, что при помощи этого тесака холил ногти – каждый обренок приземлялся точнехонько в камин. При этом повар не сводил с меня своих маленьких темных глазок.

Мне сделалось как-то не по себе. Похоже, этого типа ни капли не удивило внезапное появление у него на кухне мальчика-египтянина. Я проверил повара на других планах. С первого по шестой он выглядел одинаково: дородный дядька в белом фартуке. А вот на седьмом...

Оп-па...

– Бартимеус.

– Факварл.

– Как дела?

– Да ничего.

– Давненько тебя было не видно.

– Ну, как-то так...

– Жаль, жаль.

– Да. Ну... вот я здесь.

– Это точно.

Во время этой очаровательной беседы из-за двери непрерывно доносились раскаты Взрывов. Но моя Печать держалась крепко. Я постарался улыбнуться как можно любезнее.

– Джабор все такой же заводной, как я погляжу.

– Угу, все такой же. Только сдается мне, Бартимеус, что теперь он стал еще голоднее. По-моему, это единственная перемена. На вид, так он никогда не бывает сытым, даже когда ему только что довелось поесть. А в нынешнее время, как ты можешь догадаться, такое случается нечасто.

– У вашего хозяина что, девиз «держи слуг впроголодь, чтоб злее были»? Однако он должен быть очень могущественным, чтобы держать в рабстве тебя и Джабора.

На губах повара промелькнула легкая улыбка, резким движением ножа он отправил очередной обрезок ногтя в полет. Ноготь вонзился в штукатурку на потолке и там застрял.

– Бартимеус, ты же знаешь – в приличном обществе таких слов не говорят. Просто мы с Джабором ведем игру с дальним прицелом.

– Конечно-конечно.

– Кстати, о различии в силах – я заметил, что ты предпочитаешь не обращаться ко мне на седьмом плане. Это как-то невежливо. Ты что, опасаясь моего истинного облика?

– Ничуть, Факварл. Просто меня от него тошнит¹².

– Как славно. Кстати, Бартимеус, я в восторге от выбранного тобой облика. Очень миленький. Но я смотрю, ты отягощен неким амулетом. Не будешь ли ты столь любезен снять его и положить во-он на тот стол? Тогда, если ты скажешь мне, на какого волшебника ты работаешь, я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы наша встреча не завершилась роковым образом.

– Очень мило с твоей стороны. Но ты же знаешь, что я не могу этого сделать¹³.

Повар воткнул свой мясницкий нож в край стола.

– Давай начистоту. Ты можешь и именно так и сделаешь. Я ничего против тебя не имею. Возможно, мы когда-нибудь снова будем работать вместе. Но сейчас я связан, точно так же, как и ты. И тоже должен исполнять возложенные на меня обязанности. Так что вопрос, как обычно, сводится к силе. Поправь меня, если я ошибаюсь, но у меня такое ощущение, что ты сегодня не в самой лучшей форме – иначе ты вышел бы через парадный подъезд, на ходу прихлопнув триногов. А так они гоняли тебя по всему дому, пока не загнали сюда, ко мне.

– Мне просто захотелось поразвлечься.

– Хм. Бартимеус, может, ты перестанешь потихоньку продвигаться к окну? Такую неуклюжую уловку заметил бы даже человек...¹⁴

– ...а кроме того, снаружи тебя все равно поджидают триноги. Отдай Амулет, или тебе придется убедиться, что твой дряхлый Щит никуда не годится.

С этими словами он встал и протянул руку. Воспоследовала пауза. Из-за моей Печати по-прежнему слышались Взрывы. Воображения у Джабора маловато, зато упорства – хоть отбавляй. Ничего, эта дверь и сама по себе должна довольно долго продержаться. В саду парили трое охранников, таращась на меня всеми глазами. Я оглядел комнату, пытаюсь срочно что-нибудь придумать.

– Амулет, Бартимеус.

Я медленно, даже немного напыщенно поднял руку и взял за Амулет. А потом прыгнул влево. И в тот же самый миг снял Печать с двери. Факварл раздраженно выругался и попытался сделать какой-то жест. Но завершить его он не успел: его накрыл особенно мощный Взрыв, проломившийся сквозь дыру на том месте, где прежде была Печать. Факварла швырнуло в камин и засыпало обломками стены.

Я же прорвался в теплицу, в тот самый момент, когда в кухню сквозь пролом шагнул Джабор. Пока Факварл выбирался из-под завала, я выскочил в сад. Караульные – глаза-блюдца и вращающиеся ноги – ринулись на меня. На концах их ног появились когти, напоминающие косы. Я сотворил Иллюминацию – самую яркую, какую только мог. Сад залило ослепительным светом, словно здесь взорвалось солнце. Караульные зачирикали от боли в

---

¹² Я сам не бог весть какой красавчик, но у Факварла, на мой вкус, чересчур много щупальцев.

¹³ Ну, не совсем так. Я мог бы отдать Амулет – и тем самым провалить дело. Но после этого мне, даже если бы я сумел удрать от Факварла, пришлось бы явиться с пустыми руками к тому бледному мальчишке. Я и без того в его власти, а неудача окончательно отдаст меня на его милость. А эта идея мне отчего-то не нравилась. Не верилось мне, что от него дождешься милости.

¹⁴ Ох...

обожженных глазах. Я перепрыгнул поверженных стражей и помчался через сад, уворачиваясь от бьющих из дома магических молний. Несколько деревьев они таки испепелили.

Я забежал в дальний угол сада, между компостной кучей и газонокосилкой, и перескочил через стену. Сквозь синюю магическую сеть я прорвался напролом; в ней осталась дыра в форме мальчишеского силуэта. Тут же повсюду затрещала сигнализация.

Я тяжело приземлился на тротуар; Амулет тяжело болтался у меня на груди. Из-за стены слышался топот копыт. Кто-то мчался галопом. Пожалуй, самое время сменить облик.

Соколы-сапсаны – самые быстрые птицы на свете. В пикировании они способны разогнаться до двухсот километров в час. Но вряд ли хотя бы один из них развивал такую скорость в горизонтальном полете над крышами северной части Лондона. Многие даже усомнились бы в том, что такое вообще возможно – особенно когда на шее у птицы висит увесистый Амулет.

Однако же достаточно сказать, что когда Факварл и Джабор наконец-то выбрались в хэмпстедский закоулок и создали незримую преграду – впрочем, ее тут же пробил идущий на большой скорости автомобиль, – меня нигде не было видно.

Я давно успел смыться.

Натаниэль

5

– И прежде всего, – говорил наставник, – нам следует вколотить в твою злосчастную черепушку один-единственный факт, но так, чтобы ты никогда уже о нем не забывал. Ты догадываешься, что это за факт?

– Нет, сэр, – сказал мальчик.

– Нет? – Кустистые брови приподнялись, изображая насмешливое удивление. Мальчик, словно загипнотизированный, следил, как они исчезли под ниспадающими на лоб густыми белоснежными прядями. Брови на миг скрылись там, почти застенчиво, а потом опустились обратно, весомо и решительно, – Значит, нет. Ну что ж, тогда... – Волшебник подался вперед. – Тогда я тебе скажу.

Он медленно, осторожно сложил пальцы «домиком», так, что острое клина смотрело на мальчика.

– Запомни, – негромко произнес наставник, – демоны чрезвычайно злобны и опасны.

Они непременно причинят тебе вред, если только смогут. Понял?

Мальчик продолжал следить за бровями. Он никак не мог оторвать от них взгляда. Теперь они сурово устремились вниз и сошлись на переносице, словно две стрелы. Брови двигались с поразительной живостью: поднимались, опускались, наклонялись, изгибались – когда вместе, а когда поодиночке. Это странное подобие самостоятельной жизни зачаровывало мальчика. А кроме того, как он обнаружил, следить за ними куда предпочтительнее, чем смотреть в глаза учителю.

Волшебник кашлянул, в кашле послышалась отчетливая угроза.

– Ты понял?

– Да, сэр.

– Что ж, ты говоришь «да», и я уверен, что именно это ты и имеешь в виду, и все же...

Одна из бровей задумчиво приподнялась.

– И все же я не уверен, что ты действительно это понял.

– Я понял, сэр. Демоны очень злые и опасные, и, если ты только это допустишь, они непременно сделают тебе что-нибудь плохое.

Мальчик беспокойно заерзал на подушке. Ему очень хотелось доказать учителю, что он и вправду внимательно его слушает. На улице летнее солнце поджаривало траву и асфальт; пять минут назад под окнами весело проехал фургончик мороженщика. Но в комнату волшебника проникали лишь узкие лучики яркого света, просачивавшиеся в щелки вокруг плотных красных штор; в комнате царил духота. Мальчик никак не мог дожидаться, когда же урок закончится и ему разрешат идти.

– Я очень внимательно слушал, сэр, – сказал он.

Его наставник кивнул.

– Ты когда-нибудь видел демона?

– Нет, сэр. То есть только в книжках.

– Встань.

Мальчик поспешно вскочил, едва не поскользнувшись, неловко вытянулся в струнку и стал ожидать дальнейших указаний. Учитель небрежно ткнул пальцем в сторону двери, находившейся у него за спиной.

– Ты знаешь, что находится там?

– Ваш кабинет, сэр.

– Хорошо. Спустись по лестнице и зайди в кабинет. В дальнем конце стоит мой стол. На столе – коробка. В коробке – очки. Надень их и принеси сюда. Ты все понял?

– Да, сэр.

– Отлично. Ступай.

Под внимательным взглядом учителя мальчик подошел к двери; дверь была сколочена из некрашенных досок со сложной текстурой. Мальчику пришлось повозиться, чтобы одолеть тяжелую бронзовую ручку, но прикосновение к прохладному металлу было приятным. Дверь беззвучно повернулась на смазанных петлях, и мальчик, шагнув через порог, оказался на лестнице. Ступени покрывала ковровая дорожка, стены были оклеены обоями с изящным цветочным узором. Сквозь небольшое окошко на середине пролета струился ласковый солнечный свет.

Мальчик спустился, осторожно перебираясь со ступеньки на ступеньку. Тишина и солнечный свет успокоили его и умили часть страхов. Мальчик никогда прежде не бывал здесь и в своих представлениях о кабинете наставника мог опираться лишь на всякие байки. Ему на ум пришли чучела крокодилов и глаза в банках. Мальчик сердито отогнал эту картинку. Все он и не боится!

Внизу обнаружилась другая дверь, похожая на первую, но поменьше. И еще на ней была нарисована красная пятиконечная звезда. Мальчик повернул ручку и толкнул дверь; дверь отворилась, но неохотно – мешал толстый ковер.

Мальчик шагнул через порог, невольно затаив дыхание. А потом глубоко вздохнул – почти с разочарованием. Здесь все было таким... таким обычным! Длинная комната; вдоль стен – книжные полки. В дальнем углу – большой деревянный стол, рядом с ним – мягкое кожаное кресло. На столе – ручки, какие-то бумаги, старый компьютер и небольшая металлическая коробка. За окном – большой каштан во всем его летнем великолепии. Солнечный свет, проходя сквозь его крону, приобретал приятный зеленоватый оттенок.

Мальчик двинулся к столу.

На полпути он остановился и оглянулся.

Ничего. И все-таки его преследовало странное ощущение... Почему-то при виде открытой двери, через которую он прошел всего несколько секунд назад, мальчику сделалось не по себе. Мальчик пожалел, что не додумался затворить дверь поплотнее. Он встряхнул головой. Да ну, зачем? Он же все равно сейчас пойдет обратно.

Четыре торопливых шага, и мальчик очутился у стола. Он снова огляделся по сторонам. Нет, он точно слышал какой-то шум...

Комната была пуста. Мальчик прислушался, настороженно, словно кролик в кустах. Нет, ничего не слышать – только отдаленный гул уличного движения.

Мальчик повернулся к столу. Глаза его округлились, дыхание участилось. Металлическая коробка поблескивала на солнце. Мальчик потянулся к ней через стол. В этом не было особой необходимости – он вполне мог бы обойти стол и взять ее без помех, – но ему почему-то хотелось управиться побыстрее, взять то, за чем пришел, и уйти отсюда. Итак, он перегнулся через стол и протянул руку – но не достал до коробки. Мальчик подался вперед и попытался подцепить коробку кончиками пальцев. Но промазал и вместо этого опрокинул карандашницу.

Струйки холодного пота, выступившего под мышками, потекли по бокам. Мальчик спешно кинулся собирать ручки и складывать их обратно в стакан.

Тут прямо у него за спиной послышался чей-то хриплый смешок.

Мальчик стремительно развернулся, едва удержавшись, чтобы не закричать. Но в комнате никого не было.

На миг мальчик застыл, привалившись спиной к столу и окаменев от страха. Потом у него словно бы что-то шевельнулось внутри. «Забудь про карандаши, – шепнул внутренний

голос, – Ты пришел сюда не за этим». Мальчик медленно, осторожно принялся огибать стол; он держался спиной к окну, чтобы не упускать комнату из виду.

Кто-то постучал в окно. Три раза, очень настойчиво. Мальчик развернулся. Никого. Лишь ветерок покачивает ветви каштана.

Ничего и никого.

Тут одна из упавших ручек скатилась со стола на ковер. Она упала беззвучно, но мальчик уловил движение краем глаза. Вторая ручка начала раскачиваться – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Внезапно она завертелась, оттолкнулась от компьютера и свалилась на пол. За ней вторая. И третья. И вдруг все ручки развернулись в разные стороны и покатались к краям стола, сталкиваясь, падая, застывая.

Мальчик смотрел. Наконец упала последняя ручка.

Мальчик не шелохнулся.

Кто-то громко засмеялся, прямо ему в ухо.

Мальчик вскрикнул и отчаянно взмахнул рукой, но рука ни на что не наткнулась. Не удержавшись, он по инерции развернулся лицом к столу. Теперь коробка стояла прямо у него перед носом. Мальчик схватил ее – и тут же выронил; нагретый на солнце металл обжег ему ладонь. Коробка ударилась об стол, и у нее отвалилась крышка. Из коробки вывалились очки в роговой оправе. Мгновение спустя мальчик подхватил их и кинулся к двери.

Позади него возникло нечто. Мальчик услышал, как оно прыгнуло ему на спину.

Он был уже совсем рядом с дверью. Он уже видел лестницу, ведущую наверх, к учителю.

И тут дверь с грохотом захлопнулась.

Мальчик принялся дергать за ручку, колотить по двери, звать наставника, захлебываясь рыданиями, – но все тщетно. Кто-то что-то шептал ему на ухо, но мальчик не разбирал слов. В смертельном ужасе он пнул дверь, но лишь ушиб пальцы.

Тогда он обернулся и взглянул на пустую комнату.

Вокруг слышались шорохи, негромкие постукивания, шелест – как будто по ковру, по книжным полкам и даже по потолку двигались какие-то неведомые существа. Одна из теней у него над головой слегка качнулась от несуществующего ветерка.

Мальчик совладал со страхом и слезами и нашел в себе силы заговорить.

– Стой! – крикнул он. – Изыди!

Шорох, шелест и постукивания мгновенно стихли. Тень притормозила и остановилась.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Тут мальчик вспомнил про очки, которые до сих пор сжимал в кулаке. Сквозь липкую пелену страха пробилось воспоминание: наставник велел надеть их, а потом уже идти обратно. Может, если их надеть, дверь отворится и он сможет спокойно подняться наверх?

Дрожащими руками мальчик расправил дужки и нацепил очки.

И увидел правду.

Кабинет был заполнен – просто-таки забит – мелкими демонами. Их были сотни. Они сидели на головах друг у дружки, будто семечки в арбузе, пихаясь локтями и наступая на физиономии соседей. Их было так много, что под ними не видно было ковра. Демоны сидели на столе, свисали с люстры и полок, парили в воздухе – и все жадно глазели на мальчика. Некоторые балансировали на выступающих носках сородичей или цеплялись за их конечности; иные демонстрировали тыл. Повсюду виднелись хвосты, крылья, рога, бородавки – а еще лишние руки, ноги, рты и глаза. И слишком много чешуи, и слишком много волос, и всего другого – в совершенно невероятных местах. У некоторых были клювы, у других хоботки, и почти у всех – зубы. Демоны были всех мыслимых цветов и оттенков, зачастую сочетавшихся совершенно неуместным образом. И все они что было сил старались вести

себя как можно тише, чтобы убедить мальчика, будто тут никого нет. И им действительно приходилось прилагать массу усилий, чтобы стоять недвижно, невзирая на подергивание хвостов и крыльев и произвольное шевеление их чрезвычайно подвижных ртов.

Но в тот самый миг, когда мальчик надел очки, демоны уразумели, что теперь он способен их видеть.

И с торжествующими воплями накинулись на него.

Мальчик закричал, прижался спиной к двери и сполз на пол. Он вскинул руки в попытке защититься и сшиб очки с носа.

Уже ничего не видя, он перевернулся на живот и свернулся клубком, задыхаясь от кошмарных звуков, окруживших его со всех сторон, – шелеста крыльев, шороха чешуи, поскребывания маленьких острых коготков.

Двадцать минут спустя, когда наставник спустился за ним и разогнал бесенят, мальчик лежал на том же месте. Его перенесли к нему в комнату. Сутки после этого мальчик ничего не мог есть. Неделю он молчал и не отвечал ни на какие расспросы. Но постепенно к нему вернулся дар речи, и мальчик вновь принялся за учебу.

Наставник никогда больше не упоминал об этом происшествии, но он доволен был результатами урока – источником ненависти и страха, что пробился в его ученике в той залитой солнцем комнате.

Это было одним из самых ранних жизненных уроков Натаниэля. Он никогда ни с кем не говорил об этом, но тень этого происшествия навсегда омрачила его сердце. Было ему тогда шесть лет.

Бартимеус

6

У таких мощных магических артефактов, как Амулет Самарканда, имеется одна неприятная особенность – их окружает своеобразная пульсирующая аура. Она бросается в глаза не меньше человека, заявившегося нагишом на похороны¹⁵. Ясно было, что как только Саймону Лавлейсу сообщат о моей дерзкой выходке, он тут же разошлет своих шпионов высматривать ауру Амулета. И чем дольше я буду оставаться на одном месте, тем больше вероятность, что меня кто-нибудь засечет. Мальчишка вызовет меня лишь завтра на рассвете¹⁶, так что мне нужно умудриться пережить еще несколько часов.

Кого этот волшебник мог за мной послать? Вряд ли у него имеется в распоряжении много джиннов, сопоставимых по силе с Факварлом или Джабором. Но он наверняка способен наскоро собрать ораву слуг послабее и отправить их на охоту. Вообще-то я способен разделаться с фолиотами и им подобными одной левой, но если они навалятся кучей – а я и так уже изрядно устал, – могут возникнуть проблемы¹⁷.

На предельной скорости я примчался из Хэмпстеда в Лондон и уселся под карнизом заброшенного дома, стоящего на берегу Темзы. Там я устроился поудобнее, почистил клювом перышки и стал смотреть на небо. Через некоторое время по небу на небольшой высоте проплыли семь красных светящихся шариков. Добравшись до середины реки, они разделились: три продолжили двигаться на юг, два свернули на запад и два – на восток. Я забился поглубже под крышу, но заметил, что, когда ближайший из поисковых шаров двинулся вниз по течению и скрылся из вида, пульсация Амулета усилилась. Я занервничал. Через некоторое время я перелетел на другой берег и устроился на одном из пролетов подъемного крана. Здесь возводили шикарный многоквартирный дом для волшебников средней руки.

В безмолвии прошло пять минут. Вокруг грязных свай причала бурлили небольшие водовороты. Луна скрылась за облаками. Вдруг все окна заброшенного дома на том берегу озарились тошнотворным зеленым светом, неясные тени принялись сновать там в поисках вора. Они ничего не нашли. Свет потускнел, превратился в светящийся туман, выплыл из окон, и его унесло ветром. Дом вновь погрузился во тьму. Я тут же взлетел и направился на юг, стремительно переносясь с улицы на улицу.

---

¹⁵ Аура имеется и у любого живого существа. Она выглядит как разноцветный ореол вокруг физического тела. На самом деле аура – это ближайший зрительный аналог запаха. Ауры существуют на первом плане, но для большинства людей они невидимы. Зато их прекрасно различают некоторые животные (кошки, например), джинны и отдельные особо одаренные личности. Цвет ауры все время меняется в зависимости от настроения ее обладателя, так что по ней легко определить, испытывает ли человек страх, ненависть, скуку и т. д. Вот почему так трудно обвести джинна вокруг пальца, если желаешь ему зла.

¹⁶ Меня куда больше устроило бы заявиться к сопляку не откладывая и избавиться от Амулета. Но волшебники вечно настаивают, чтобы мы являлись лишь по вызову и в строго определенное время. Это спасает их от неудобств самого разного рода, вплоть до преждевременной кончины.

¹⁷ Даже волшебники не могут толком разобраться в нашем бесконечном разнообразии. Демоны могут отличаться друг от друга не меньше, чем слон и мошка или орел и амеба. Но если не вдаваться в подробности, можно выделить пять основных разновидностей демонов, которых можно встретить на службе у волшебника. А именно (в порядке убывания могущества): мар иды, африты, джинны, фолиоты и бесы. На самом деле существует тьма духов, куда более слабых, чем бесы, но маги редко призывают такую мелкую сошку. Множество же демонов, более могущественных, нежели мар иды, тоже нечасто встречаются на Земле, поскольку мало у кого из волшебников хватит духу даже на то, чтобы установить подлинное имя одного из этих созданий. Но и для магов, и для нас чрезвычайно важно разбираться в иерархии демонов, поскольку частенько это знание может спасти жизнь. Например, я, будучи образцовым представителем джиннов, с некоторой долей почтения отношусь к себе подобным и тем, кто выше меня рангом, но с фолиотами и бесами у меня разговор короткий.

Моя безумная пляска длилась полночи; я метался над Лондоном, уходя от преследователей. Шаров-шпионов¹⁸ оказалось даже больше, чем я опасался (очевидно, их вызывал не один волшебник), и они объявлялись где-нибудь поблизости через регулярные промежутки времени. Чтобы уберечься, мне приходилось постоянно перемещаться с места на место, и все-таки меня дважды едва не сцапали. Один раз я облетел деловой квартал и едва не натолкнулся на шар, плывущий мне навстречу. Другой шпион едва не напоролся на меня, когда я, окончательно вымотавшись, прикорнул на березе в Грин-парке. В обоих случаях я сумел удрасть прежде, чем к шарам подошло подкрепление.

Но вскоре силы мои стали подходить к концу. Необходимость постоянно поддерживать физическое тело утомляла меня и сжирала драгоценную энергию. Потому я решил изменить план – найти какое-нибудь местечко, где пульсацию Амулета заглушали бы другие магические излучения. Настала пора смешаться с многоголовой толпой, с чернью. Иными словами – с людьми. Я уже достаточно отчаялся, чтобы пойти на это.

Я полетел в центр города. Даже в столь поздний час на Трафальгарской площади вокруг памятника Нельсону кишела пестрая толпа туристов. Они покупали уцененные талисманы в официальных киосках-автоматах, втиснутых между львами. Над площадью поднималась дикая мешанина магических излучений. Что ж, здесь и вправду можно затеряться.

Пернатая молния обрушилась с ночного неба и скрылась в узкой щели между двумя киосками. Вскорости оттуда выбрался мальчик-египтянин с печальными глазами и принялся протискиваться через толчею. На нем были новые синие джинсы, белая футболка и черная пилотская куртка, а еще – чересчур большие белые кроссовки, у которых постоянно развязывались шнурки. Мальчик смешался с толпой.

Амулет жег мне грудь. Через равные промежутки времени он испускал сильные волны жара, сдвоенные, словно удары сердца. Я всей душой надеялся, что мешанина аур вокруг заглушает этот сигнал.

Большая часть здешней магии была чистой показухой. Площадь была запружена лицензированными шарлатанами, продававшими мелкие амулетики и всяческие безделушки – то, что разрешено властями¹⁹. Японские и североамериканские туристы с горящими жадностью глазами копались в грудях разноцветных камней и бижутерии, разыскивая соответствующие знаки зодиака для всех своих родственников, а бодрые продавцы-кокни терпеливо впаривали им свой товар. Если бы не фотовспышки, я с легкостью мог бы вообразить, будто нахожусь в Карнаке. Вокруг заключались сделки, звучали радостные возгласы, сияли улыбки. Неподвластная времени живая картина легковерия и алчности.

Но на площади можно было найти и кое-что посерьезнее этих пустяковин. То тут, то там у входа в небольшие шатры стояли сдержанные, спокойные люди. В эти шатры посетителей пропускали по одному. Очевидно, там находились по-настоящему ценные артефакты, ибо у каждого такого шатра околачивался хранитель, принявший какой-нибудь неброский облик – к примеру, личину голубя. Я старался держаться подальше от хранителей. А то мало ли, вдруг они восприимчивее, чем кажутся.

---

¹⁸ Шары – это такая особая разновидность бесов. У них огромные чешуйчатые уши и одна щетинистая ноздря. Они чрезвычайно чувствительны ко всяческим магическим пульсациям, но не переносят громкий шум или резкий запах. Потому мне пришлось провести часть ночи в бункере посреди Ротерхитской станции по очистке сточных вод.

¹⁹ В этом сезоне особенно модны были осколки полудрагоценных камней, якобы излучающие жизненную силу. Люди носили их на счастье. На самом деле подобные осколки лишены какой бы то ни было магической силы – и однако же они выполняют определенную защитную функцию: всякий, кто надевал такой талисман, недвусмысленно демонстрировал, что ни черта не смылит в магии, и многочисленные враждующие фракции волшебников просто не обращали на него никакого внимания. В Лондоне опасно иметь хоть какие-нибудь магические познания: ты сразу становишься полезным и/или опасным, и в результате прочие волшебники тут же норовят втянуть тебя в свои игры.

Среди толпы бродило несколько волшебников. Не похоже, чтобы они тут что-то покупали; скорее, вышли прогуляться с ночной смены в каком-нибудь правительственном учреждении Уайтхолла. Одного из этих волшебников, облаченного в хороший деловой костюм, сопровождал на втором плане бес – прыгал по пятам за хозяином; за прочими, одетыми попроще, тянулся следом лишь многозначительный запах фимиама, пота и восковых свеч.

Полиция тоже была представлена: несколько обычных констеблей и пара неприятных типов с каменными мордами – парни из ночной полиции. Последние демонстрировали свое присутствие ровно настолько, насколько это требовалось для предотвращения неприятностей.

Вокруг площади то и дело мелькали огни фар; автомобили уносили министров и прочих волшебников из их кабинетов в здании Парламента в клубы на Сент-Джеймс. Я находился в непосредственной близости от ступицы огромного колеса власти, распростершейся до границ империи, и здесь, если повезет, я незамеченным просижу до того самого момента, пока меня не вызовут.

А может, и не просижу.

Я как раз неспешно брел мимо особо невзрачного ларька и разглядывал разложенный в нем товар, когда меня кольнуло неприятное ощущение слежки. Я немного повернул голову и оглядел толпу. Сплошная бесформенная масса. Я проверил сопредельные планы. Никакой скрытой угрозы. Обычное жвачное стадо, сплошь тупое и человеческое. Я снова повернулся к ларьку и рассеянно взял в руки «Мое волшебное зеркало», кусок дешевого стекла, оправленного в рамку из розовой пластмассы и разукрашенного жезлами, котами, волшебниками и шляпами.

Опять! Я резко развернул свое тело. В толпе образовался просвет – прямо напротив меня, – и я разглядел невысокую полную волшебницу, группку подростков, столпившихся вокруг киоска, и полисмена, с подозрением косившегося на подростков. Казалось, будто никому из них нет до меня никакого дела. Но я не мог ошибиться – подобные ощущения меня не подводят. Ну что ж, буду наготове. Я принялся разглядывать зеркало и устроил из этого форменное представление. «Великолепный подарок из Лондона, мировой столицы магии!» – кричала этикетка на обороте зеркала. «Сделано в Тайва...»

Ощущение недоброго взгляда вернулось вновь. Я обернулся проворнее, чем кошка, – и на сей раз удачно! Я поймал взгляд наблюдателя. Точнее, наблюдателей. Их было двое, мальчишка и девчонка, затерявшиеся среди той компании подростков. Они не успели отвести взгляды. Мальчишке было лет пятнадцать; его физиономию осадили прыщи, и отчасти преуспели. Девчонка была помладше, но взгляд у нее был холодный и жестокий. Я демонстративно уставился на них. И чего я разволновался? Это просто люди, они не могут увидеть, кто я на самом деле. Пускай себе глазают.

Через несколько секунд они не выдержали и отвели глаза. Я пожал плечами и сделал было движение, чтобы уйти. Человек, стоявший за прилавком, громко кашлянул. Я аккуратно положил «Мое волшебное зеркало» обратно на прилавок, расплылся в улыбке и пошел своей дорогой.

Ребятня двинулась за мной.

Я заметил их у следующего киоска – они выглядывали из-за ларька с сахарной ватой. Малолетки держались кучей – не то шесть, не то семь человек. Чего им надо? Обчистить карманы? Но почему тогда они прицепились ко мне? Вокруг десятки кандидатов пожирнее, побогаче и поперспективнее меня. Проверки ради я пристроился поближе к низкорослому и на вид весьма состоятельному туристу с огромной кинокамерой и толстенными очками. Если б я хотел кого-нибудь обчистить, то непременно начал бы с этого типа. Но когда я оторвался от него и описал петлю в толпе, подростки последовали за мной. Странно. И непри-

ятно. Мне не хотелось изменять облик и улетать отсюда. Я слишком устал и хотел лишь одного – чтобы меня оставили в покое. Мне и без того надо как-то дотянуть до рассвета, а до него еще далеко.

Я прибавил шаг. Ребятня – тоже. Мы описали три круга по площади, и я понял, что с меня хватит. Двое полисменов наблюдали, как мы кружим, и похоже было, что они скоро нас остановят – хотя бы ради того, чтобы избавиться от головокружения. Так, пора уходить. Чего бы там ни хотела эта компания, но я не желаю привлекать к себе еще больше внимания.

Неподалеку находился подземный переход. Я ссыпался вниз по ступеням, проигнорировал вход в подземку и выскочил на другую сторону, через дорогу от центральной площади. Подростки исчезли – наверное, тоже кинулись в переход. Вот он, мой шанс. Я быстро свернул за угол, проскочил мимо книжной лавки и нырнул в переулочек. И подождал немного в тени, за мусорными контейнерами.

В конце переулочка проехала пара машин. За мной никто не шел. По губам моим скользнула улыбка. Я решил, что оторвался от преследователей.

Я ошибался.

7

Мальчик-египтянин неспешно миновал переулочек, пару раз свернул направо и вышел на одну из многочисленных дорог, лучами расходящихся от Трафальгарской площади. Я шел и на ходу пересматривал планы.

О площади можно забыть. Там слишком много несносного молодняка. Но, возможно, если я найду укрытие неподалеку от магического базара, шарам по-прежнему трудно будет засечь пульсацию Амулета. Можно забиться за какой-нибудь мусорный бак и подождать там до утра. Пожалуй, это единственный выход. Я слишком устал, чтобы вновь устремляться в небо.

И я хотел кое о чем поразмыслить.

Прежняя боль вернулась и запульсировала в груди, в животе, в костях. Нет, это все-таки вредно для здоровья – так долго оставаться заключенным в тело. Я, наверное, никогда не пойму, как это люди умудряются пребывать в нем и не сходить с ума²⁰.

Я брел вдоль длинной, холодной улицы, поглядывая на свое отражение, мелькавшее в черных прямоугольниках окон. Мальчик втянул голову в плечи, прячась от ветра, и засунул руки в карманы куртки. Подошвы кроссовок шаркали по асфальту. Вся его фигура превосходно выражала досаду и раздражение, которые я сейчас испытывал. Амулет при каждом шаге тяжело ударялся о мою грудь. Будь это в моей власти, я бы сейчас же сорвал его и зашвырнул в ближайшую урну, а потом дематериализовался бы, оскорбленный до глубины души. Но я был связан повелением мальчишки. Приходилось держать Амулет при себе²¹.

Я свернул на боковую улицу, подальше от машин. Темные громады домов, высящихся по обе стороны улицы, действовали на меня угнетающе. Я вообще неважно чувствую себя

---

²⁰ Хотя... возможно, это многое объясняет.

²¹ Бывали случаи, когда духи пытались отказаться исполнять приказ. Один из известнейших – когда хозяин повелел Асморалу Непокколебимому уничтожить джинна Нанну. Но Нанна с незапамятных времен была надежнейшим союзником Асморала, и они очень любили друг друга. Несмотря на все более суровые повеления хозяина, Асморал отказывался подчиняться. Но, к сожалению, хотя его сила воли и не уступала брошенному вызову, его сущность была связана непреодолимой силой хозяйского приказа. И вскоре, поскольку Асморал не уступал, его буквально разорвало надвое. Последовавший за этим взрыв уничтожил волшебника, его дворец и прилегающую окраину Багдада. После этого трагического происшествия волшебники поняли, что с приказами напасть на противостоящих духов следует быть поосторожнее (на противостоящих волшебников – дело другое). Мы же, со своей стороны, научились избегать принципиальных конфликтов. В результате наша верность стала временной и изменчивой. А дружба – это в основном вопрос стратегии.

в городах – почти так же, как под землей. А Лондон – самый паршивый из всех городов, холодный, серый, вонючий и дождливый.

Влево уходил еще один переулок, засыпанный мокрым картоном и газетами. Я машинально проверил сопредельные планы и ничего не увидел. Что и следовало ожидать. Первые две подворотни я отверг – из гигиенических соображений. В третьей было сухо. Там я и сел.

Было самое время обдумать события нынешней ночи. Ночка выдалась хлопотная. В нее вместились тот бледный мальчишка, Саймон Лавлейс, Амулет, Джабор, Факварл... Да уж, поистине адская смесь. Хотя – какая мне разница? На рассвете я отдам Амулет и с радостью покончу со всей этой историей.

Со всей, кроме моего счета к мальчишке. Клянусь, он за это поплатится. Если вы заставили Бартимеуса Урукского ночевать в каком-то закоулке Вест-Энда, не ждите, что это вам так просто сойдет с рук. Первым делом я разужнаю его имя, а потом...

Стоп! Это еще что?..

Шаги в переулке. Приближающиеся шаги. Несколько человек.

Возможно, это просто совпадение. Лондон – это город. Люди ходят по городу. Люди ходят в том числе и по переулкам. Возможно, кто-то просто решил срезать путь по дороге домой. Пройти по тому самому переулку, в котором – так уж вышло – решил спрятаться я.

Но я не верю в совпадения.

Я забился поглубже в тень и наложил на себя чары Маскировки. Слой туго натянутых черных нитей укрыл меня, и я слился с темнотой. И стал ждать.

Шаги приближались. Кто бы это мог быть? Патруль ночной полиции? Фаланга волшебников, посланных Саймоном Лавлейсом? Возможно, шары все-таки выследили меня.

Но оказалось, что это и не полицейские, и не волшебники. Это были подростки с Трафальгарской площади. Пятеро пацанов под предводительством девчонки. Они брели по переулку и время от времени небрежно поглядывали по сторонам. У меня немного отлегло от сердца. Я ведь хорошо спрятался. Да даже если бы и не чары – здесь, вдали от скопления народа, мне бояться нечего. Да, правда, мальчишки рослые и на вид хамоватые – но, в конце концов, это всего лишь мальчишки в джинсах и кожанках, и не более того. На девчонке были черная кожаная куртка и сильно расклешенные брюки. Да, из таких клешей можно было бы выкроить вторую пару брюк, для лилипута. Подростки шли, шаркая ногами по разбросанному мусору. И вдруг я осознал, до чего же тихо они держатся. Просто-таки неестественно тихо.

Меня охватили сомнения, и я снова проверил другие планы. Внимательно и придирчиво изучил каждого из подростков. Просто шестеро детей. Дети как дети, ничего подозрительного.

Я сидел, спрятавшись за своей завесой, и ждал, пока они пройдут.

Девчонка вышагивала впереди. Вот она поравнялась со мной.

Я зевнул, пользуясь тем, что под защитой чар они меня все равно не видят.

Один из подростков похлопал девчонку по плечу.

– Здесь, – сказал он, сопровождая свои слова указующим жестом.

– Взять его! – скомандовала девчонка.

И прежде чем я успел совладать с изумлением, трое самых крепких мальчишек прыгнули в подворотню и накинулись на меня. Как только они коснулись хрупкого колдовского покрова, нити порвались и развеялись. В мгновение ока меня захлестнула волна запахов нездоровой кожи, дешевого лосьона для бритья и немых тел. На меня навалились, меня залягали и огрели по голове. После чего бесцеремонно вздернули на ноги.

Потом я все-таки опомнился. В конце концов, я – Бартимеус!

Переулок озарила короткая яркая вспышка, сопровождавшаяся волной жара. Камни подворотни стали выглядеть так, словно их опалило огнем.

К моему удивлению, мальчишки не ослабили хватки. Двое держали меня за запястья, словно парочка наручников, а третий обхватил сзади за пояс.

Я повторил трюк – с большим усилием. С ближайшей улицы донесся вой: у нескольких автомобилей сработала сигнализация. Честно признаться, я ожидал, что на этот раз избавлюсь от захвата; в конце концов, обугленные трупы никого не могут удерживать²².

Но мальчишки остались на месте; они тяжело дышали, но продолжали удерживать меня мертвой хваткой. Что-то здесь было не так. Совсем не так.

– Держите его покрепче, – сказала девчонка.

Я уставился на нее, она – на меня. Она была чуть повыше моего нынешнего воплощения. Темноглазая, с темными длинными волосами. Я начал терять терпение.

– Чего вам надо? – спросил я.

– У тебя на шее кой-чего висит. – Для столь юной особи – по моим прикидкам, ей было лет тринадцать – у девчонки был на редкость ровный и властный голос.

– Кто тебе сказал?

– Кретин, оно уже две минуты как висит на виду. Вывалилось из-под футболки, когда тебя встряхнули.

– А, верно...

– Давай эту штуку сюда.

– Нет.

Девчонка пожала плечами.

– Как хочешь. Тогда мы снимем ее сами.

– Вы ведь не знаете, кто я такой на самом деле, верно? – Я постарался произнести это как можно небрежнее, с легким оттенком угрозы, – Ты – не волшебница.

– Что верно, то верно, – презрительно выплюнула она.

– Волшебник поостерегся бы связываться со мной и мне подобными.

Я решил как следует припугнуть их. Но вообще-то этот фокус трудно провернуть, когда в тебя словно клещами вцепился дюжий недоумок.

Девчонка холодно усмехнулась.

– А волшебник смог бы так хорошо управиться с твоими кознями?

Тут она меня уела. Волшебник, для начала, не подошел бы ко мне и на пушечный выстрел, не обвешавшись предварительно с головы до ног всякими амулетами и не очертившись пентаклями. Далее, ему бы понадобилась помощь демонов, чтобы разглядеть меня под покровом чар. И, наконец, ему пришлось бы вызвать какого-нибудь весьма внушительного джинна, чтобы схватить меня. Если бы он, волшебник, вообще отважился бы на такое. Но эта девчонка и ее приятели справились своими силами и, похоже, не видели в этом ничего особенного.

Пожалуй, стоило бы сейчас угостить их хорошим, качественным Взрывом, но я слишком устал для всяких изысков.

Я преувеличенно весело рассмеялся.

– Ха! Да я просто играю с вами!

– Ты гонишь.

Я решил сменить тактику.

---

²² Вопреки распространенному мнению, многие из нас вовсе не жаждут причинять зло обычным людям. Нет, бывают, конечно, исключения – вроде того же Джабора. Однако даже такой спокойный, уравновешенный джинн, как я, вполне способен на злодейство – особенно если меня здорово достанут.

– Должен признаться, – сказал я, – что вы меня заинтриговали. Я аплодирую вашей храбрости – немногие посмели бы так обращаться со мной. Если ты назовешь свое имя и цель, я пощажу тебя. Возможно, я даже смогу вам помочь. Я располагаю массой возможностей.

К моему разочарованию, девчонка заткнула уши.

– Не морочь мне голову, демон! – выкрикнула она. – Я не поддаюсь на искушения.

– Конечно же, ты не хочешь навлечь на себя мою немилость, – успокаивающе произнес я, – Куда выгоднее пребывать со мной в дружеских отношениях.

– Меня ни то ни другое не колышет, – ответила девчонка, перестав все-таки зажимать уши. – Мне нужно лишь то, что висит у тебя на шее.

– Ты его не получишь. Но ты еще можешь спастись бегством, если хочешь. Не говоря уже о том, насколько эта вещь опасна сама по себе, – я в случае чего позабочусь о том, чтобы сюда слетелась вся ночная полиция, как горгоны из ада. Ты ведь не хочешь привлечь их внимание, а?

Эта мысль заставила ее заколебаться. Я принялся закреплять достигнутый успех.

– Не будь такой наивной, – сказал я. – Подумай-ка вот о чем: вы пытаетесь украсть у меня очень могущественный предмет. Он принадлежит одному зверски могущественному волшебнику. Если вы хотя бы прикоснетесь к этой вещи, он вас из-под земли достанет.

Уж не знаю, то ли эта угроза так подействовала, то ли упрек в наивности, но девчонка явно была озадачена – судя по тому, как поджала губы.

Я в порядке эксперимента попытался пошевелить рукой. Подросток, державший мое предплечье, недовольно заворчал и вцепился покрепче.

Где-то неподалеку взвыла сирена. Девчонка и ее телохранители беспокойно заозирались, вглядываясь в темноту переулка. С пасмурного неба упали первые капли; начался дождь.

– Все, хватит, – сказала девчонка и шагнула ко мне.

– Осторожнее! – предупредил ее я.

Она протянула руку. Я раскрыл рот – очень-очень медленно. Она попыталась взяться за цепь.

И тут я превратился в нильского крокодила с уже распахнутой пастью. И цапнул ее за пальцы. Девчонка завизжала и отскочила – я даже не ожидал от нее такого проворства. Мои зубы клацнули у кончиков ее ногтей. Я забился в руках у подростков и снова попытался цапнуть ее. Девчонка завопила дурным голосом, поскользнулась и села с размаху на кучу мусора. Да при этом еще сшибла с ног одного из своих телохранителей. Мое внезапное превращение застало мальчишек врасплох – особенно того, который теперь держал меня поперек чешуйчатого туловища. Он ослабил хватку, но остальные двое продолжали меня удерживать. Мой длинный сильный хвост хлестнул влево, потом вправо, от души врезав по двум тупым башкам. Мозги у парней, если таковые имелись, хорошо сотряслись, челюсти отвисли, а руки разжались.

Один из двух телохранителей девчонки быстро опомнился, сунул руку под куртку и выхватил что-то блестящее. Когда он швырнул это в меня, я снова превратился.

Смею заметить, быстрое превращение из чего-нибудь большого (скажем, крокодила) во что-нибудь некрупное (скажем, в лиса), дает неплохие результаты. Три пары рук, изо всех сил пытавшиеся удержать мощное чешуйчатое тело, вдруг обнаружили, что хватают воздух – а комок рыжего меха и лихорадочно работающих когтей ускользнул от них и шлепнулся на землю. В тот же самый миг серебряный метательный снаряд пронесся через то место, где только что было горло крокодила, и врезался в металлическую дверь.

Лис помчался по переулку, едва касаясь лапами скользкой булыжной мостовой.

Впереди раздался пронзительный свист. Лис притормозил. По стенам и мостовой заметались лучи фонарей. Послышался топот бегущих ног.

Ага, как раз то, что нужно. Явление ночной полиции.

Когда луч метнулся в мою сторону, я изящным прыжком заскочил в открытый мусорный бак. Голова, туловище, хвост – готово! Луч фонаря скользнул по бачку и сместился дальше по переулку.

Затем появились люди. Они орала, дули в свистки и бежали в ту сторону, где осталась девчонка и ее приятели.

Затем послышалось рычание и разнесся едкий запах. Нечто вроде большой собаки пронеслось мимо людей и исчезло в ночи.

В переулке было шумно. Уютно свернувшись между прохуdivшимся мусорным пакетом и ящиком с пустыми бутылками, лис слушал, поставив уши торчком. Крики и свистки начали удаляться, и лису показалось, будто к ним присоединился возбужденный, обеспокоенный вой.

Затем шум окончательно стих. В переулке воцарилась тишина.

Затаившийся лис лежал среди мусора и выжидал.

Натаниэль

8

Артур Андервуд был волшебником среднего уровня и работал на министерство внутренних дел. По природе своей он был склонен к уединению и несколько сварлив, и проживал вместе со своей женой Мартой в Хайгейте, в величественном георгианском доме.

У мистера Андервуда никогда не было учеников, да он и не желал их брать. Он работал сам по себе, и его это вполне устраивало. Но он знал, что рано или поздно придет его черед и ему придется, как и другим волшебникам, взять в дом ребенка. И конечно же, однажды это неминуемое событие произошло. Из министерства занятости прибыло письмо с тем кошмарным требованием, которого он так страшился. Мистер Андервуд с мрачной покорностью выполнил свой долг. В назначенный день он отправился в министерство, дабы забрать своего безымянного подопечного.

Он прошел меж двух гранитных колонн, поднялся по мраморным ступеням и вошел в гулкий вестибюль. Это было обширное безликое помещение с двумя рядами деревянных дверей. По залу, деликатно ступая по полу, сновали работники министерства – выходили из одних дверей, чтобы тут же скрыться в других. На противоположной стороне вестибюля высились два изваяния, исполненных в героической манере, – изображения бывших глав сего министерства, а между ними был зажат стол, заваленный бумагами. Мистер Андервуд подошел к нему. Лишь приблизившись вплотную к столу, он разглядел за бумажным бастионом щуплого улыбчивого клерка.

– Добрый день, сэр, – поздоровался клерк.

– Я – помощник министра Андервуд. Прибыл за учеником.

– А, да-да, сэр! Я вас ждал. Вам только нужно подписать несколько документов... – Клерк принялся копаться в ближайшей стопке бумаг. – Это быстро, буквально одна минута. А потом вы сможете забрать его из комнаты отдыха.

– «Его»? Так это мальчик?

– Да, мальчик, пяти лет. Очень смысленный – если, конечно, верить тестам. По-видимому, сейчас он в некотором смятении... – Клерк нашел нужную кипу и извлек из-за уха ручку. – Не будете ли вы так любезны расписаться на каждой странице...

Мистер Андервуд изобразил несколько завитушек.

– Его родители... они, я полагаю, удалились?

– Да, сэр. Им прямо-таки не терпелось исчезнуть. Как всегда: схватили деньги и убежали, если вы понимаете, что я имею в виду. Хорошо хоть притормозили на минутку, чтобы попрощаться с мальчиком.

– А меры безопасности приняты?

– Его свидетельство о рождении и прочие документы изъяты и уничтожены. А мальчику строго-настрого велели забыть имя, данное при рождении, и никогда никому его не называть. Теперь он официально не существует. Вы можете начать с чистого листа, сэр.

– Прекрасно. – Мистер Андервуд в последний раз изобразил смахивающую на раздавленного паука закорючку и вернул бумаги клерку. – Если это все, я, пожалуй, заберу его.

Он миновал несколько безмолвных коридоров и, отворив тяжелую, обшитую панелями дверь, вошел в комнату, вся обстановка которой была выдержана в ярких тонах. Комната была заполнена игрушками, призванными утешить несчастных детей. Вот там-то, между гримасничающей лошадкой-качалкой и пластмассовой куклой – волшебником в смешной остроконечной шляпе, он и нашел маленького бледного мальчика. Видно было, что мальчик

недавно плакал – но теперь, к счастью, перестал. Он безучастно посмотрел на волшебника красными от слез глазами. Мистер Андервуд кашлянул.

– Я – Андервуд, твой наставник. С этого дня начинается твоя настоящая жизнь. Идем со мной.

Ребенок громко шмыгнул носом. Мистер Андервуд заметил, что у мальчика опасно задрожал подбородок. С некоторым отвращением он взял мальчика за руку, заставил встать с пола и повел по гулким коридорам вниз, где ждала его машина.

На обратном пути к Хайгейту волшебник пару раз пытался завести разговор с ребенком, но мальчик лишь тихо плакал. Это не понравилось мистеру Андервуду. Он раздраженно фыркнул, оставил мальчишку в покое и включил радио, послушать репортаж с соревнований по крикету. Ребенок замер на заднем сиденье, уткнувшись взглядом в собственные коленки.

На пороге их встретила жена мистера Андервуда. В руках у нее был поднос, а на нем – печенье и кружка горячего шоколада. Она сразу же отвела мальчика в уютную гостиную с камином. В камине горел огонь.

– Марта, это бестолочь какая-то, – недовольно проворчал мистер Андервуд. – Он ни единого слова не сказал.

– А чему ты удивляешься? Он же перепуган, бедняжка. Предоставь это мне, я все улажу.

Миссис Андервуд была маленькой, кругленькой женщиной, с коротко стриженными седыми волосами. Она усадила мальчика в кресло у камина и предложила ему печенье. Мальчик словно не заметил ее.

Прошло полчаса. Миссис Андервуд весело болтала обо всем, что только приходило ей на ум. Мальчик выпил немного шоколада и потихоньку съел одно печенье. В конце концов миссис Андервуд кое-что придумала. Она села рядом с мальчиком и обняла его за плечи.

– А теперь, милый, давай с тобой договоримся, – сказала она. – Я знаю, что тебе велели никому не говорить свое имя, но для меня ты можешь сделать исключение. Ведь если я буду звать тебя просто «мальчик», мы же никогда толком не пойдем друг дружку, верно? Так что давай ты скажешь мне свое имя, а я тебе – свое, по секрету. Ну что, ты согласен? Вот и прекрасно. Я – Марта. А ты?

Мальчик шмыгнул носом и еле слышно произнес:

– Натаниэль...

– Чудесное имя. Не беспокойся, милый, я никому не скажу. Ну что, тебе уже лучше? Возьми еще печенье, Натаниэль, и пойдем со мной, я покажу тебе твою комнату.

Когда ребенок был накормлен, вымыт и наконец-то уложен спать, миссис Андервуд явилась с докладом к мужу – мистер Андервуд сидел у себя в кабинете и работал.

– Наконец-то он заснул, – сказала она. – Похоже, он в шоковом состоянии. Хотя чему тут удивляться? Его же бросили родители. По-моему, это бесчеловечно – отрывать такого маленького ребенка от семьи.

– Но, Марта, так заведено. Нужно же откуда-то брать учеников.

Волшебник демонстративно уткнулся в книгу. Жена на намек не отреагировала.

– Лучше бы ему позволили остаться с родителями, – упрямо сказала она, – Или хотя бы разрешили время от времени видеться с ними.

Мистер Андервуд устало закрыл книгу и положил ее на стол.

– Ты сама прекрасно знаешь, что это невозможно. Его имя, полученное при рождении, должно быть забыто, иначе в будущем любой враг сможет навредить ему, узнав истинное имя. А как оно может быть забыто, если он будет поддерживать связь с семьей? Кроме того, его родителей никто не заставлял расставаться со своим щенком. Посмотри правде в глаза, Марта: они сами хотели от него избавиться. Иначе они просто не откликнулись бы на объ-

явление. Все честно и откровенно. Они получили изрядную сумму денег, он – возможность сделать прекрасную карьеру и послужить своей стране, а государство – нового ученика. Все очень просто. Все остались в выигрыше. Никто ничего не потерял.

– И все-таки...

– Меня это не волнует, Марта.

Мистер Андервуд потянулся за книгой.

– Если бы волшебникам позволили иметь своих детей, этой жестокости можно было бы избежать.

– А этот путь ведет к созданию династий, союзам семейств – а заканчивается все кровной враждой. Марта, загляни в свои книги по истории. Почитай, что творилось в Италии. А о мальчишке не беспокойся. Он мал. Скоро он обо всем позабудет. Лучше приготовь мне что-нибудь на ужин.

Дом волшебника Андервуда относился к тому типу зданий, которые являют улице скромный, но величественный лик, а за фасадом у них скрывается настоящий лабиринт из коридоров и лестниц. В доме было пять основных этажей: подвал со стеллажами для винных бутылок, ящиками с грибами и коробками сухофруктов; первый этаж, на котором располагались гостиная, столовая, кухня и оранжерея; второй и третий этажи, занятые в основном ванными, спальнями и кабинетами; и на самом верху – мансарда. Там и спал Натаниэль, под белеными стропилами покатой крыши.

Каждое утро на рассвете его будил гомон голубей. В потолке было небольшое окно. Если взобраться на стул, через это оконце можно было полюбоваться на Лондон, укутанный серой дымкой дождя. Дом стоял на холме, и оттуда открывался хороший обзор. В погожие дни Натаниэль мог разглядеть даже радиомачту Хрустального дворца, находящегося на другом конце города.

В комнате у Натаниэля стоял дешевый платяной шкаф из клееной фанеры, небольшой комод, стол, стул и книжная полка. Каждую неделю миссис Андервуд ставила в вазу на столе свежие цветы из сада.

С самого первого, злосчастного дня жена волшебника взяла Натаниэля под свое крылышко. Она хорошо относилась к мальчику и была добра к нему. Дома, без посторонних, она часто обращалась к нему по имени, невзирая на неприкрытое неудовольствие мужа.

– Нам вообще не полагается знать имя этого отродья, – говорил ей мистер Андервуд, – Это запрещено! Со временем, когда ему исполнится двенадцать, он получит новое имя, и уже под этим новым именем его и будут знать как волшебника и как члена общества – до конца жизни. А сейчас это глубоко неверно...

– Да кто узнает? – возражала Марта. – Никто. А бедного мальчика это утешает.

Она была единственным человеком, звавшим его по имени. Приходящие репетиторы называли его Андервудом, по фамилии наставника. Асам наставник обращался к нему просто – «мальчик».

Натаниэль отвечал на привязанность миссис Андервуд беззаветной преданностью, ловил каждое ее слово и беспрекословно слушался.

Когда подошла к концу первая неделя пребывания Натаниэля в доме Андервудов, миссис Андервуд поднялась к нему в мансарду с подарком.

– Это тебе, – сказала миссис Андервуд, – Она старая и немного печальная, но мне показалось, что тебе она придется по душе.

Это была картина: лодки в небольшой бухточке, а вокруг – низкие берега, затопляемые во время прилива. Краски так потемнели от времени, что трудно было разглядеть детали, но Натаниэль сразу полюбил эту картину. Он смотрел, как миссис Андервуд вешает ее над его письменным столом.

– Ты будешь волшебником, Натаниэль, – сказала миссис Андервуд, – а это – высочайшая честь, какая только может выпасть человеку. И твои родители пошли на величайшую жертву, предоставив тебе возможность пойти по этой благородной стезе. Не надо, милый, не плачь. Теперь ты должен быть сильным, стараться изо всех сил и хорошо учить уроки. Иди-ка сюда, к окну. Встань на стульчик. А теперь глянь во-он туда. Видишь маленькую башенку там, вдалеке?

– Вон ту?

– Нет, милый, это административный корпус. А я говорю вон про то маленькое коричневое здание. Видишь? Это здание Парламента. Там собираются самые лучшие волшебники. Оттуда они правят Британией и нашей империей. Это туда постоянно ездит мистер Андервуд. Если ты будешь хорошо учиться и слушаться наставника, когда-нибудь ты тоже туда поедешь, и я буду тобой гордиться.

– Хорошо, миссис Андервуд.

И Натаниэль смотрел на башню до тех пор, пока у него не заболели глаза. Но он накрепко запомнил, где она находится. Поехать в Парламент... Да, когда-нибудь так и случится. Он будет очень стараться. И миссис Андервуд сможет им гордиться.

Постепенно тоска Натаниэля по дому начала затухать – немалую роль в этом сыграла и теплота миссис Андервуд. Воспоминания о родителях потускнели, и душевная боль понемногу унялась; а потом он и вовсе забыл о том, что у него когда-то были мама и папа. Этому способствовала и размеренная рутина работы и учебы: она занимала почти все время Натаниэля, и ему просто некогда было тосковать. Каждый будний день начинался с того, что миссис Андервуд будила его стуком в дверь.

– Чай снаружи, на ступеньке. Для питья, не для мытья.

Это ритуальное замечание обязано было своим возникновением одному происшествию: как-то утром Натаниэль, еще не до конца проснувшийся, шел в ванную – и угодил носком ноги точнехонько по кружке. Волна горячего чая выплеснулась на стену лестничной площадки. Пятно было заметно даже несколько лет спустя, словно въевшаяся кровь. К счастью, наставник Натаниэля так и не узнал об этом происшествии. Он никогда не поднимался в мансарду.

Умывшись в ванной на третьем этаже, Натаниэль надевал рубашку, серые брюки, серые гольфы, неудобные черные туфли и, если стояла зима и в доме было холодно, толстый свитер, который купила для него миссис Андервуд. Он тщательно причесывался перед высоким зеркалом в ванной и наскоро оглядывал свое отражение – худощавого бледного мальчика. Потом он, прихватив свои тетрадки, спускался по черной лестнице на кухню. Пока миссис Андервуд готовила для него кукурузные хлопья и тосты, Натаниэль пытался доделать оставшиеся со вчерашнего вечера домашние задания. Миссис Андервуд по мере сил частенько помогала ему.

– Азербайджан? По-моему, его столица – Баку.

– Баку?

– Да. Глянь у себя в атласе. А для чего это тебе?

– Мистер Парцелл сказал, на этой неделе мы проходим Средний Восток – я должен выучить страны и остальную чепуху.

– Зря ты так. Кстати, тосты уже готовы. Для тебя и вправду важно выучить всю эту «чепуху» – иначе ты не сможешь перейти к более интересным вещам.

– Но это же так скучно!

– Это тебе так кажется. Я бывала в Азербайджане. Баку, конечно, та еще дыра – но это важный центр изучения афритов.

– А кто они такие?

– Огненные демоны. Вторая по могуществу разновидность духов. В горах Азербайджана очень сильна стихия огня. Именно там зародился зороастризм. Приверженцы этой религии почитали божественный огонь и верили, что он горит во всех живых существах. Если ты ищешь шоколад, то он за хлопьями.

– Миссис Андервуд, а вы видели там джинна?

– Чтобы увидеть джинна, вовсе не обязательно ездить в Баку, Натаниэль. И не говори с набитым ртом. Ты всю скатерть засыпал крошками. Нет, джинн сам к тебе придет – особенно здесь, в Лондоне.

– А когда мне можно будет посмотреть на фрита?

– На африта. Скоро, если ты будешь хорошо учиться. Доедай поскорее – наверное, мистер Парцелл уже ждет.

После завтрака Натаниэль собирал учебники и шел в кабинет на втором этаже, где его и вправду уже ждал мистер Парцелл. Это был молодой человек со светлыми редущими волосами, которые он часто приглаживал в тщетном старании скрыть проплешины. Звали его Уолтер. Он нервничал по любому поводу, а от разговора с мистером Андервудом (время от времени им доводилось беседовать) его просто-таки корежило. В результате мистер Парцелл срывал раздражение на Натаниэле. По-настоящему грубо обходиться с мальчиком ему не позволяла некоторая внутренняя порядочность – ведь ученик не отлынивал и работал в полную силу; но зато мистер Парцелл повадился придираться к каждой ошибке и при этом только что не повизгивал, словно какая-нибудь шавка.

Мистер Парцелл не учил Натаниэля магии. Он сам ее не знал. Зато он изучил множество других предметов, и глубже всего – математику, современные языки (французский и чешский), географию и историю. Кроме того, большое внимание уделялось политике.

– Ну-ка, юный Андервуд, – мог сказать мистер Парцелл, – в чем основное предназначение нашего достойного правительства?

Натаниэль задумывался.

– Живее!

– Править нами, сэр?

– Защищать нас! Не забывай, что наша страна находится в состоянии войны. Прага до сих пор удерживает равнины восточнее Богемии, а мы стараемся не допустить ее армии в Италию. Мы живем в опасное время. Агитаторы и шпионы чувствуют себя в Лондоне как дома. Чтобы сохранить целостность империи, нам нужно сильное правительство, а сила означает магию. Только представь себе страну без волшебников! Это же немыслимо – жалкие простолюдины у власти! Мы скатимся в хаос, а за этим неминуемо последует вражеское вторжение. И лишь наши руководители спасают нас от анархии. Вот к чему ты должен стремиться, мальчик. К тому, чтобы войти в правительство и править с честью. Запомни это.

– Да, сэр.

– Честь – самое важное достоинство волшебника, – продолжал мистер Парцелл, – Он владеет огромной силой и должен использовать ее осторожно и благоразумно. В прошлом случалось, что бесчестные волшебники пытались устроить государственный переворот. Но у них ни разу ничего не вышло. А почему? Да потому, что против них сражались истинные волшебники, на чьей стороне были доблесть и справедливость.

– Мистер Парцелл, а вы волшебник?

Учитель пригладил волосы и вздохнул.

– Нет, Андервуд. Я... меня не избрали. Но все же я служу стране по мере своих сил. Ну, а теперь...

– Значит, вы простолюдин?

Мистер Парцелл с размаху хлопнул ладонью по столу.

– Андервуд, здесь вопросы задаю я! Доставай свой транспортир, займемся геометрией.

Вскоре после того, как Натаниэлю исполнилось восемь лет, его учебная программа расширилась. Он начал изучать химию и физику. А еще – историю религии и несколько важнейших языков, включая латынь, арамейский и иврит.

Этим и было занято его время с девяти утра до часу дня. В час он спускался на кухню, чтобы перекусить. Миссис Андервуд оставляла для него несколько сандвичей и заворачивала в оберточную бумагу, чтоб они не сохли.

Вторая половина дня проходила по-разному. Два дня в неделю Натаниэль и после обеда занимался с мистером Парцеллом. Еще два его водили в бассейн, где дородный мужчина с пышными усами вел тяжелые, изматывающие тренировки. И Натаниэль в компании других, столь же мокрых детей плавал туда-сюда по этому бассейну всеми мыслимыми стилями. Он всегда был слишком застенчив, да и чересчур уставал, чтобы болтать с другими ребятами-пловцами, а они, чувствуя это, сторонились Натаниэля. Так уже в возрасте восьми лет он узнал, что такое одиночество и каково это, когда тебя все избегают.

Еще два дня были отданы музыке (четверг) и рисованию (суббота). Музыки Натаниэль боялся даже больше, чем плавания. Преподаватель музыки, мистер Синдра, был вспыльчив и тучен; его многочисленные подбородки колыхались на ходу. Натаниэль внимательно следил за этими подбородками: если они трепетали больше обычного, это недвусмысленно свидетельствовало о приближающейся вспышке гнева. Вспышки эти происходили с гнетущим постоянством. Мистер Синдра с трудом сдерживал гнев всякий раз, когда Натаниэль слишком торопливо исполнял гаммы, путался в нотах или ошибался в сольфеджио – а это случалось частенько.

– Как ты намереваешься вызывать ламию при помощи этого дребезжания?! – завопил однажды мистер Синдра. – Как?! Кошмар! Дай сюда!

Он выхватил у Натаниэля лиру, прижал ее к своей обширной груди и заиграл сам, прикрыв глаза в исполнительском экстазе. Чарующая мелодия заполнила комнату. Короткие, жирные пальцы порхали над струнами, словно танцующие сардельки. На дерево за окном слетели птицы и умолкли, заслушавшись. На глазах у Натаниэля выступили слезы. Перед его мысленным взором проплывали воспоминания далекого прошлого...

– А теперь ты!

Музыка оборвалась на пронзительной, дребезжащей ноте. Мистер Синдра сунул лиру Натаниэлю. Натаниэль принялся перебирать струны. Пальцы плохо его слушались. Несколько птиц в шоке свалились с ветки. Щеки мистера Синдры затряслись, словно остывший клейстер.

– Недоумок! Немедленно прекрати! Ты что, хочешь, чтобы ламия сожрала тебя? Ее нужно очаровать, а не разъярить! Положи несчастный инструмент. Попробуем свирель.

Свирель, лира или пение – за что бы ни брался Натаниэль, его робкие попытки встречались воплями возмущения и отчаяния. А вот уроки рисования были совсем иными. Они протекали тихо и мирно. Учительница рисования, мисс Лютенс, стройная, как тростинка, мягкая и доброжелательная, была единственной из всех преподавателей, с которой Натаниэль мог говорить откровенно. Как и миссис Андервуд, она не пожелала мириться с его безымянностью. Учительница попросила сказать, как его зовут – по секрету, конечно, – и Натаниэль без малейших колебаний назвал ей свое имя.

– А почему, – спросил он мисс Лютенс как-то весной, когда они сидели в кабинете, а в распахнутое окно задувал легкий ветерок, – почему я должен копировать этот узор? Это трудно и скучно. Я бы лучше нарисовал сад или эту комнату – или вас, мисс Лютенс.

Учительница рассмеялась.

– Наброски с натуры хороши для художников, Натаниэль, и для богатых дам, которым больше нечем заняться. Ты – не богатая дама, да и художником вряд ли станешь. И карандаш тебе нужен вовсе не для тех целей. Ты – ремесленник, рисовальщик, чертежник. Ты

должен уметь воспроизвести любой узор, какой только тебе потребуется, – быстро, уверенно и, самое главное, предельно точно.

Натаниэль уныло посмотрел на лист бумаги, лежащий между ними. На листе был изображен сложный орнамент: переплетение листьев и цветов и вписанные меж ними абстрактные фигуры. Натаниэль перерисовывал этот узор в свой альбом. Он трудился над ним вот уже два часа без перерыва, но позади была едва половина работы.

– Ну, просто это кажется таким бессмысленным... – тихо сказал он.

– Нет, это вовсе не бессмысленно, – возразила мисс Лютьенс. – Дай-ка я взгляну, что у тебя получается. Хм. Неплохо, Натаниэль. Очень даже неплохо. Только вот взгляни – тебе не кажется, что этот купол чуть больше, чем в оригинале? Вот здесь – видишь? И ты оставил дыру вот в этой веточке – а это уже серьезная ошибка.

– Но ведь маленькая! А остальное все в порядке, разве нет?

– Не в этом дело. Если ты будешь копировать пентакль и оставишь в нем прореху – что получится? Ты можешь поплатиться жизнью. Ты же не хочешь умереть из-за такой мелочи, ведь правда, Натаниэль?

– Не хочу.

– Вот и прекрасно. Значит, ты не должен делать ошибок. Или они тебя погубят. – Мисс Лютьенс откинулась на спинку стула. – Ну а теперь начни сначала.

– Мисс Лютьенс!!!

– Мистер Андервуд не стал бы делать поблажек. – Учительница ненадолго умолкла, задумавшись. – Но судя по твоему крику души, бесполезно ожидать, что прямо сейчас ты преуспеешь больше. Потому мы на сегодня закончим. Отправляйся-ка ты в сад. Тебе не мешает погулять на свежем воздухе.

Для Натаниэля сад был приютом и местом уединения. Здесь никогда не проводилось никаких уроков. С этим местом не было связано никаких неприятных воспоминаний. Сад был вытянутым и редким; его окружала высокая стена из красного кирпича. Летом по ней вился цветущий плющ, а над лужайкой простирала ветви шесть яблонь. В самом сердце сада разрослись два рододендроновых куста; за ними был укромный уголок – его почти не было видно из окон дома. Здесь росла высокая, сочная трава. Каштан, возвышающийся за стеной сада, отбрасывал тень на каменную скамью. Рядом с позеленевшей от лишайников скамейкой стояло мраморное изваяние человека, сжимающего в руке разветвленную молнию. Человек был одет в викторианский сюртук, а на щеках его топорщились короткие баки, словно жвала у жука. Статуя потемнела от времени и непогоды и покрылась тонким слоем мха, но до сих пор производила впечатление огромной энергии и мощи. Натаниэль был очарован ею и даже однажды решился спросить у миссис Андервуд, кто это. Но она лишь улыбнулась.

– Спроси у своего наставника, – сказала она. – Он знает все.

Но Натаниэль не посмел ни о чем расспрашивать мистера Андервуда.

Именно сюда, в это тихое местечко с его уединением, скамьей и статуей, и приходил Натаниэль, когда ему нужно было собраться с духом перед уроком у своего грозного, сурового наставника.

9

В промежутке между шестью и восемью годами Натаниэль виделся со своим наставником лишь раз в неделю. Эти визиты происходили по пятницам, во второй половине дня, и превратились в настоящий ритуал.

После обеда Натаниэль поднимался к себе наверх, чтобы умыться и надеть чистую рубашку. Потом, ровно в половине третьего, он должен был предстать перед дверью

читальни, расположенной на первом этаже. Ему следовало постучать три раза, и тогда изнутри раздавалось дозволение войти.

Наставник, небрежно развалившись, восседал в плетеном кресле у окна. Свет с улицы окутывал силуэт мистера Андервуда туманным ореолом, так что лицо его оставалось в тени. Натаниэль входил, и длинная тонкая рука указывала на заваленную грудой подушек тахту у противоположной стены. Мальчик садился туда и, сдерживая волнение, заставляющее сердце выпрыгивать из груди, изо всех сил ловил каждое слово наставника, каждую его интонацию, чтобы, не дай бог, ничего не упустить.

Поначалу, пока Натаниэль был мал, волшебник обычно довольствовался тем, что расспрашивал мальчика, как идут занятия, обсуждал с ним векторы, алгебру или принципы вероятности, просил вкратце пересказать историю Праги или изложить по-французски ключевые события Крестовых походов. Мистер Андервуд почти всегда оставался доволен ответами – Натаниэль был способным учеником.

Изредка наставник жестом велел мальчику умолкнуть посреди ответа и сам начинал говорить о целях и ограничениях магии.

– Волшебник, – говорил он, – обладает властью. Он напрягает волю и добивается результата. Он может совершать это и из эгоистических побуждений, и из добродетельных. Его действия могут вести и к добру, и ко злу. Но по-настоящему плохим можно назвать лишь некомпетентного волшебника. В чем заключается некомпетентность, мальчик?

Натаниэль беспокойно заерзал на подушках.

– В потере контроля.

– Правильно. Если исключить из контроля над необходимыми силами магическую составляющую, что останется?

Натаниэль качнулся взад-вперед.

– Э...

– Пошевели мозгами, мальчик. Пошевели мозгами. Три «С».

– Скрытность, сила, самосохранение, сэр.

– Правильно. Что есть величайшая тайна?

– Духи, сэр.

– Демоны, мальчик. Называй их так, как они того заслуживают. О чем никогда нельзя забывать?

– Демоны очень злобные и непременно причинят вред, если только смогут, сэр. – При этих словах голос Натаниэля дрогнул.

– Недурно, недурно. У тебя превосходная память. Но отнесись внимательнее к тому, как ты произносишь слова – такое впечатление, будто у тебя язык заплетается. Стоит тебе в неподходящий момент неправильно произнести хотя бы один слог, и демон мгновенно воспользуется представившейся возможностью.

– Да, сэр.

– Итак, демоны – великая тайна. Простолюдины знают об их существовании и знают, что мы можем общаться с ними, – и потому они так боятся нас! Но они не осознают истины в ее полноте – что всей своей силой мы обязаны демонам. Без помощи духов мы были бы всего лишь дешевыми фокусниками и шарлатанами. Наше единственное великое дарование заключается в умении вызывать демонов и связывать их своей волей. Если мы все проделываем правильно, они вынуждены подчиняться нам. Но стоит нам допустить хоть малейшую ошибку, как эти твари накинута на нас и разорвут нас в клочья. Мы ходим по лезвию ножа, мальчик. Сколько тебе лет?

– Восемь, сэр. Через неделю будет девять.

– Девять? Хорошо. Значит, со следующей недели ты начнешь должным образом изучать магию. Мистер Парцелл хорошо потрудились, дав тебе все необходимые базовые позна-

ния. Впредь мы будем встречаться дважды в неделю. Я начну знакомить тебя с основными принципами и догматами нашего сословия. Ну а на сегодня мы закончим тем, что ты расскажешь древнееврейский алфавит и сосчитаешь на иврите до десяти. Приступай.

Под присмотром наставника и учителей образование Натаниэля продвигалось вперед семимильными шагами. Он с радостью рассказывал миссис Андервуд о своих успехах и млеял от ее похвал. По вечерам он смотрел в окно на далекое желтое сияние, окутывающее башню Парламента, и мечтал о том дне, когда он войдет туда как волшебник, как один из министров благородного правительства.

Через два дня после дня рождения Натаниэля, когда он сидел и завтракал, на кухню вошел его наставник.

– Оставь это и ступай за мной, – велел волшебник.

Натаниэль прошел следом за ним в комнату, служившую его наставнику библиотекой. Мистер Андервуд остановился рядом с широкой книжной полкой, заставленной томами всех цветов и размеров, от переплетенных в кожу словарей великих языков древности до потрепанных желтых книжечек в бумажных переплетах с таинственными знаками на корешках.

– Вот твой круг чтения на ближайшие три года, – сказал волшебник, похлопав по полке. – К двенадцати годам ты должен ознакомиться со всем, что содержится в этих книгах. Здесь в основном книги на среднеанглийском, латыни, чешском и иврите, хотя в описаниях египетских похоронных ритуалов встречаются фрагменты на коптском. Тут тебе пригодится коптский словарь. Твое дело – прочитать все это. Нячиться с тобой мне некогда. Мистер Парцелл по-прежнему будет заниматься с тобой языками. Ты все понял?

– Да, сэр. Сэр...

– Что, мальчик?

– А когда я все это прочту, я буду знать все, что нужно? В смысле, для того, чтобы стать волшебником. Тут же так много всего...

Мистер Андервуд фыркнул и красноречиво приподнял брови.

– Оглянись, – велел он.

Натаниэль обернулся. Рядом с дверью располагался книжный шкаф, протянувшийся до самого потолка. В нем стояли сотни книг, одна толще и пыльнее другой, и, даже не открывая их, можно было сказать, что все они напечатаны мелким шрифтом, по две колонки на странице. Натаниэль гулко сглотнул.

– Проработай все эти материалы, – сухо сказал мистер Андервуд, – и, может быть, ты чего-нибудь добьешься. В этом шкафу хранятся описания ритуалов и заклинаний, необходимых для вызова серьезных демонов. Но ты начнешь вызывать духов лишь после того, как тебе исполнится двенадцать, так что покамест выброси это из головы. На твоей полке, – он снова постучал по дереву, – содержатся все необходимые подготовительные знания. И для настоящего момента этого более чем достаточно. А сейчас следуй за мной.

Они прошли в кабинет, в котором Натаниэль никогда прежде не бывал. На грязных, невесть чем заляпанных полках стояло множество бутылок и пробирок, заполненных разноцветными жидкостями. В некоторых бутылках что-то плавало. Что именно, Натаниэль сказать не мог, но толстое, изогнутое стекло бутылок искажало содержимое и придавало ему загадочный вид.

Волшебник сел за простой деревянный стол и жестом велел Натаниэлю усаживаться напротив. И подвинул к нему узкую коробку. Натаниэль открыл ее. Внутри оказались небольшие очки. Давнее воспоминание заставило его содрогнуться.

– Ну, бери же их. Они тебя не укусят. Вот так. Теперь посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Что ты видишь?

Натаниэль неохотно подчинился. Ему почему-то было очень трудно смотреть в беспокойные ярко-карие глаза старика, и разум его сковало странное оцепенение. Он ничего не увидел.

– Ну?

– Э-э... Простите, но я...

– Посмотри на край радужки. Видишь что-нибудь?

– Э-э...

– Олух! – раздраженно воскликнул волшебник и оттянул нижнее веко, – Ну что, теперь видишь? Линзы! Контактные линзы! Вокруг середины глаза! Видишь?

Натаниэль в отчаянии присмотрелся снова и на этот раз разглядел еле заметный круглый ободок, опоясывающий радужку, тоненький, словно волосок.

– Да, сэр! – с пылом сообщил он. – Да, я их вижу.

– Ну наконец-то. Хорошо. – Мистер Андервуд откинулся на спинку стула. – Когда тебе исполнится двенадцать, произойдут два важных события. Во-первых, тебе дадут новое имя, и ты его примешь. Зачем это нужно?

– Чтобы демоны не могли узнать имя, данное мне при рождении, и обрести надо мной власть, сэр.

– Правильно. Естественно, вражеские волшебники не менее опасны в этом отношении. Во-вторых, ты получишь свою первую пару линз и будешь постоянно их носить. Они позволят тебе зреть сквозь обманчивые иллюзии демонов. До тех пор ты будешь пользоваться этими очками, но только по моему указанию. И ни под каким видом их нельзя выносить из этого кабинета. Тебе ясно?

– Да, сэр. А как эти очки позволяют видеть сквозь обман, сэр?

– Когда демоны материализуются, они могут полностью перенять все манеры того, кем прикидываются, и не только в царстве материи, но и на других планах бытия, – я скоро расскажу тебе об этих планах, а пока воздержись от вопросов. Некоторые демоны более высокого ранга могут даже становиться невидимыми; их злокозненной изобретательности нет предела. Линзы и, в меньшей степени, очки позволяют тебе видеть на нескольких планах одновременно, и тем самым ты получишь возможность проникнуть взором за завесу их иллюзий. Вот, смотри...

Наставник Натаниэля пошарил по заставленной всякой всячиной полке, что висела у него за спиной, и выбрал большую стеклянную бутылку, заткнутую пробкой и запечатанную воском. В бутылке, в зеленоватой жидкости, напоминающей цветом морскую воду, плавала дохлая крыса – коричневая жесткая шерсть да бледная плоть. Натаниэль брезгливо сморщился. Его наставник это заметил.

– Ну, мальчик, что это такое, по-твоему?

– Крыса, сэр.

– Какая крыса?

– Коричневая. *Rattus norvegicus*, сэр.

– Неплохо. Любишь блеснуть латынью? Очень неплохо. Правда, совершенно неверно, но все-таки. Это вообще не крыса. Надень очки и посмотри еще раз.

Натаниэль повиновался. Очки были тяжелыми и холодили переносицу. Натаниэль посмотрел сквозь толстые дымчатые стекла; ему потребовалась пара мгновений, чтобы сфокусировать взгляд. А потом он разглядел бутылку и чуть не вскрикнул. Крыса исчезла. На ее месте очутилось маленькое черно-красное существо с пористой физиономией, хитиновыми крыльями и складчатым, как гармошка, брюшком. Глаза существа были открыты, и в них отражалась горькая обида. Натаниэль снял очки и посмотрел еще раз. В рассоле плавала крыса.

– Надо же!

– Алый надоеда, пойман и посажен в бутылку в медицинском институте одной юридической корпорации, – ворчливо пояснил наставник Натаниэля. – Мелкий бес, но выдающийся разносчик чумы. Способен прикидываться крысой лишь на материальном плане. На всех прочих проступает его истинная сущность.

– А он мертв, сэр? – спросил Натаниэль.

Мистер Андервуд хмыкнул.

– Мертв? Думаю, да. А если нет, то он наверняка очень зол. Он сидит в этой бутылке уже лет пятьдесят. Достался мне в наследство от моего учителя.

Он поставил бутылку обратно.

– Пойми, мальчик, – сказал волшебник, – даже самые слабые демоны злы, опасны и вероломны. Когда имеешь с ними дело, нельзя ни на миг забывать о бдительности. Смотри.

Мистер Андервуд извлек откуда-то из-за бунзеновской горелки стеклянный ящичек. Казалось, будто крышки у него и вовсе нет. В ящичке мельтешили шесть крохотных созданий, то и дело врезааясь в стены своей тюрьмы. Издали они походили на букашек, но взглянув поближе, Натаниэль понял, что для насекомых у них слишком много ног.

– Это так называемые букашки, – сказал наставник. – Вероятно, самая примитивная разновидность демонов. Их умственные способности даже не заслуживают упоминания. Но и они могут быть опасны, если вырвутся из-под контроля. Видишь оранжевые жала у них под хвостами? Они вызывают чрезвычайно болезненные опухоли, хуже, чем от укуса осы или пчелы. Букашки – хороший способ наказать кого-нибудь, хоть чересчур надоевшего соперника... хоть непослушного ученика.

Натаниэль посмотрел, как крохотные существа колотятся о стекло, и энергично закивал.

– Да, сэр.

– Злобные мелкие твари. – Наставник отодвинул ящичек. – Однако же достаточно произнести нужную команду, и они выполняют любое приказание. Тем самым они демонстрируют, на низшем уровне, принципы нашего ремесла. Мы владеем опасными орудиями, с которыми необходимо правильно обращаться. А теперь мы начнем изучать, как защитить себя.

Вскоре Натаниэль обнаружил, что ему еще долго не позволят самостоятельно управляться с магическими орудиями. Он занимался с наставником дважды в неделю – и в течение нескольких месяцев только и делал на этих занятиях, что вел записи. Он изучал принципы пентаклей и искусство рун. Он узнал о должных ритуалах очищения, каковые следовало проделывать, прежде чем приступить к заклинанию демона. Он возился с пестиком и ступкой – составлял ароматические смеси, поощряющие нужных демонов и отпугивающие ненужных. Он изготавливал свечи самых разнообразных форм и расставлял их по бесчисленному количеству узоров. Но наставник так ни разу никого и не вызвал.

Натаниэлю же не терпелось перейти к практике, и в свободное время он запоем читал книжки из библиотеки. Он поразил мистера Парцелла своей ненасытной жаждой знаний. Он с необычайным рвением трудился на уроках мисс Лютенс, применяя обретенные навыки в черчении пентаклей под пристальным взглядом глаз-бусинок своего наставника. И все это время очки пылились на полке мастерской. Единственным человеком, с кем Натаниэль поделился своей досадой, была мисс Лютенс.

– Терпение! – сказала она ему, – Терпение – это высшая добродетель. Если будешь спешить, то потерпишь неудачу. А это довольно болезненно. Ты всегда должен оставаться спокойным и в то же время сосредоточенным на своей задаче. Ну а теперь, если ты готов, нарисуй это еще раз, только с завязанными глазами.

Лишь через полгода учебы Натаниэлю впервые пришлось увидеть, как вызывают демона. К его величайшей досаде, сам он при этом остался всего лишь зрителем. Наставник сам нарисовал пентакли – в том числе и дополнительный, предназначенный для Натаниэля. Волшебник даже не позволил ученику зажечь свечи и, что еще хуже, не позволил ему надеть очки.

– Но ведь без них я ничего не увижу! – не выдержал Натаниэль, хотя никогда прежде не позволял себе разговаривать с наставником столь обиженным тоном. Но мистер Андервуд прищурился, и Натаниэль тут же умолк.

Поначалу ритуал совершенно разочаровал мальчика. После заклинаний, которые Натаниэль, к удовольствию своему, по большей части понял, почему-то ничего не произошло. В мастерской подул легкий ветерок – и все. Пустой пентакль так и остался пустым. Наставник стоял рядом, закрыв глаза; казалось, будто он уснул. Натаниэлю стало очень скучно. У него заныли ноги. Очевидно, этот демон решил не приходить. И вдруг Натаниэль с ужасом заметил, что несколько свечей, стоявших в углу мастерской, упали. Груда бумаг вспыхнула, и огонь побежал в разные стороны. Натаниэль вскрикнул и шагнул...

– Стоять!

От испуга у Натаниэля едва не остановилось сердце. Он так и окаменел с поднятой ногой. Оказалось, что глаза у наставника уже открыты, и он гневно смотрит на Натаниэля. Волшебник громовым голосом произнес семь Слов Изгнания. Огонь в углу комнаты исчез, а вместе с ним и груда бумаги; свечи стояли себе и преспокойно продолжали гореть. Сердце Натаниэля заколотилось так, словно хотело выскочить из груди.

– Так ты захотел выйти из круга, а?

Натаниэль никогда еще не слышал, чтобы его наставник говорил столь язвительным тоном.

– Я же говорил тебе, что некоторые из них остаются невидимыми! Демоны – мастера иллюзий, и им ведомы сотни способов отвлекать и искушать тебя. Еще один шаг, и ты сам вспыхнул бы, как свечка. Подумай об этом хорошенько. Сегодня ты пойдешь спать без ужина. Марш к себе в комнату!

Последующие практические занятия происходили куда спокойнее. Натаниэль, вооруженный лишь своими обычными чувствами, наблюдал за демонами, являвшимися во множестве разнообразнейших личин. Некоторые выглядели как обычные животные – мяукающие кошки, глазастые собаки, несчастные, прихрамывающие хомячки, которых Натаниэлю до ужаса хотелось подержать в руках... Прелестные птички скакали внутри круга и что-то клевали. Однажды прямо из воздуха обрушился дождь яблоневого цвета, и комната наполнилась пьянящим ароматом, нагнавшим на Натаниэля дремоту.

Натаниэль учился противостоять всем искушениям и соблазнам. Некоторые духи насылали на него отвратительное зловоние, от которого Натаниэля тошнило. Другие очаровывали ароматами, напоминавшими ему о мисс Лютьенс или миссис Андервуд. Некоторые пытались напугать его всякими ужасными звуками: шепотки, бормотание, треск – такой, будто что-то рвется. Слышались чьи-то умоляющие голоса – сперва они звучали пронзительно, потом делались все ниже и ниже, пока не становились гулкими, как похоронный звон. Но ученик волшебника оставался глух ко всему этому и никогда больше не пытался выйти из круга.

Год спустя Натаниэлю было позволено надевать при заклинаниях свои очки. Теперь он мог видеть многих демонов в их истинном облике. Но некоторые, чуть более могущественные, сохраняли иллюзорный облик даже на других планах. Натаниэль спокойно и уверенно осваивался с этими искажениями восприятия. Обучение продвигалось успешно, равно как успешно крепились и его навыки самообладания. Натаниэль стал жестче и упорнее и еще реши-

тельнее рвался к знаниям. Его свободное время без остатка уходило на все новые и новые манускрипты.

Наставник был доволен успехами своего ученика, а Натаниэль, несмотря на все свое нетерпение, был очень рад уже и тому, что успел узнать. Взаимоотношения учителя и ученика стали весьма плодотворными, хоть и нельзя было назвать теплыми. И, возможно, так все и продолжалось бы, если бы не ужасный случай, произошедший летом, незадолго до того, как Натаниэлю исполнилось одиннадцать лет.

Бартимеус

10

В конце концов рассвет таки настал.

На восточном краю небосклона затрепетали первые скупые лучи. За доками начало медленно разгораться сияние. Я встретил его радостным улюлюканьем. Ну наконец-то!

Ночь выдалась утомительной, а во многом – и унижительной. Мне постоянно приходилось то прятаться, то слоняться где ни попадя, то удирать – я обегал добрую половину Лондона! Меня обхатила какая-то тринадцатилетняя девчонка. Мне пришлось искать убежища в мусорном бачке. И вот теперь, в довершение всего, я сидел, скорчившись, на крыше Вестминстерского аббатства и притворялся горгульей. Да, бывает и хуже. Но редко.

Первый солнечный луч коснулся Амулета, что висел на моей покрытой лишайником груди. Амулет засверкал, словно зеркало. Я машинально прикрыл его лапой – просто так, на всякий случай. Вдруг меня кто-нибудь ищет? Но на самом деле это не особо меня волновало.

Я просидел в том бачке в переулке часа два – достаточно, чтобы отдохнуть и насквозь пропитаться ароматом гниющих овощей. Потом меня осенила блестящая идея: добраться до аббатства и прикинуться каменным изваянием. Там меня защищало множество магической утвари, находящейся в этом здании, – ее аура заглушала сигнал Амулета²³.

Со своего нового наблюдательного пункта я видел вдали несколько шаров-шпионов, но к аббатству ни один из них так и не приблизился. Наконец ночь растаяла и волшебники утомились. Вместе с ночной тьмой исчезли и шары с неба. Охотники отступили.

Когда встало солнце, я с нетерпением принялся ожидать предполагаемого вызова. Мальчишка сказал, что призовет меня на рассвете, но, очевидно, проспал. Чего еще ждать от малолетнего лодыря?

Ну а тем временем я приводил мысли в порядок. Одна из них была совершенно очевидной: мальчишка – всего лишь козел отпущения для какого-то взрослого волшебника, предпочитающего остаться в тени и переложить вину за кражу на пацана. Догадаться об этом труда не составляло. Ни один мальчишка столь зеленого возраста не поручил бы мне такую кражу по собственной инициативе.

Предположим, неизвестный волшебник желал нанести удар по Лавлейсу и заполучить в свое распоряжение силу Амулета. Если это и вправду так, он очень сильно рискует. Судя по масштабам охоты, от которой я еле-еле ушел, пропажа Амулета Самарканда серьезно обеспокоила многих могущественных людей.

Саймон Лавлейс даже сам по себе был весьма серьезной проблемой. Уже один тот факт, что он в состоянии держать на службе (и в узде) Факварла и Джабора одновременно, говорит о многом. Когда он доберется до мальчишки, я пацану не позавидую.

А еще эта девчонка-невошественница и ее приятели, которые противостояли моей магии и видели сквозь мои иллюзии. Я уже несколько столетий не встречался с людьми такого типа и, честно говоря, был немало заинтригован, обнаружив их здесь, в Лондоне. Хотя трудно сказать, осознают ли они подлинное значение своей силы. Девчонка, кажется, даже не понимала, что собой представляет Амулет Самарканда. Она просто знала, что это ценная вещь,

---

²³ В Вестминстерском аббатстве похоронены многие великие волшебники девятнадцатого и двадцатого столетия (да и не так давно, помнится, тоже кого-то там закопали). Почти каждый забрал с собой в могилу хотя бы один мощный артефакт. Да, чтобы пощеголять своим богатством и могуществом, они сознательно разбазаривали ценные вещи. А еще покойные писали подобные завещания из вредности характера – ведь таким образом они лишали своих преемников всякой надежды унаследовать артефакт: маги побаивались изымать вещи из могил, опасаясь потустороннего возмездия.

которую стоит заполучить. Девушка явно никак не связана ни с Лавлейсом, ни с мальчишкой. Странно... Как же она вообще влезла в это дело? Ну да ладно, меня это не касается. Крышу аббатства залил солнечный свет. Я позволил себе роскошь потянуться и слегка изогнул крылья.

И в этот самый момент меня и настиг вызов.

В меня словно вонзилась тысяча рыболовных крючков. Меня потянуло в несколько сторон сразу. При слишком длительном сопротивлении саму мою сущность могло бы разорвать в клочья – но сейчас мне совершенно незачем было медлить. Мне не терпелось поскорее сбить Амулет с рук и выйти из игры. И я, искренне надеясь на это, подчинился вызову и исчез с крыши...

...и тут же появился в комнате у мальчишки. Я огляделся по сторонам.

– Ну и?

– Я приказываю тебе, Бартимеус, поведать: выполнил ли ты порученное тебе задание с усердием и...

– Естественно, выполнил! Это что, по-твоему, – бижутерия для маскарада? – Я ткнул своим горгульим клювом в Амулет, висящий у меня на груди. – Вот Амулет Самарканда. Он был у Саймона Лавлейса. Теперь он у тебя. А скоро опять вернется к Лавлейсу. Забирай его и наслаждайся последствиями. Кстати, насчет твоего пентакля: а что это за руны? А вон та дополнительная линия?

Мальчишка выпятил грудь.

– Это пентакль Адельбранда!

Я готов был поклясться, что он самодовольно ухмыльнулся – совершенно неподобающее выражение лица для столь зеленого юнца.

Пентакль Адельбранда. Да, я влип. Я принялся демонстративно оглядывать звезду и круг, выискивая хотя бы малейший пропуск в нарисованной мелом черте, хоть одну нетвердо проведенную линию. Потом я уставился на сами руны и символы.

– Ага! – взревел я. – Ты написал это неправильно! Ты понимаешь, что это означает?

И я подобрался, словно кот, изготовившийся для прыжка.

Мальчишка исхитрился одновременно побледнеть и покраснеть – лицо у него пошло пятнами, нижняя губа задрожала, а глаза чуть не вылезли из орбит. Казалось, будто он готов кинуться к этой надписи. Но он не кинулся, и мой план провалился²⁴.

Мальчишка поспешно осмотрел знаки на полу.

– Злокозненный демон! В пентакле нет изъяна – и он по-прежнему удерживает тебя!

– Ну ладно, ладно, я приврал. – Я уменьшился в размерах и сложил крылья под горбом. – Так ты хочешь получить этот Амулет или как?

– П-положи его вот в этот сосуд.

В самом узком месте между двумя кругами на полу стояла небольшая стеатитовая чаша. Я снял Амулет Самарканда и с изрядным облегчением кинул его в чашу. Мальчишка наклонился за ней. Я внимательно следил за ним краешком глаза: если бы его нога – да что там нога, пальчик! – оказалась за пределами круга, я сцапал бы его быстрее, чем богомол муху.

Но мальчишка был для этого слишком умен. Он извлек из кармана потрепанной куртки палку. На конце ее торчал проволочный крючок, подозрительно напоминающий разогнутую скрепку для бумаг. После пары осторожных попыток мальчишка зацепил этим крючком за край чаши и втащил добычу в свой круг. Потом он поднял Амулет за цепь и скривился.

---

²⁴ Если волшебник выходит за пределы своего круга в присутствии вызванного демона, он теряет власть над жертвой. Именно этого я и добивался. Кстати, я тогда тоже смог бы выйти из своего пентакля и схватить мальчишку.

– Ну и вонь!

– Я тут ни при чем. Все претензии – к Ротерхитскому коллектору сточных вод. Ну, и во вторую очередь – к тебе самому. Я всю ночь только и делал, что спасался от погони, и все из-за тебя. Тебе еще повезло, что мне вообще удалось из этого выпутаться.

– За тобой гнались? – почти что с нетерпением спросил он.

Неправильная эмоция, малый. Попробуй страх.

– Половина всех демонов Лондона. – Я закатил глаза и прищелкнул клювом. – Имей в виду, мальчик, – они идут сюда, желтоглазые и хищные, они стремятся схватить тебя. Ты беззащитен перед их силой. У тебя остался один-единственный шанс: выпусти меня из этого круга, и я избавлю тебя от их когтей²⁵.

– Ты меня что, за дурака держишь?

– На этот вопрос отвечает сам Амулет в твоих руках. Ну да ладно, неважно. Все, я выполнил задание. Желаю тебе приятно провести краткий остаток жизни!

Мой облик замерцал и начал рассеиваться. Из пола поднялся зыбкий столб пара, словно для того, чтобы поглотить меня и унести прочь. Увы, это были лишь мечты. И пентакль Адельбранда позаботился, чтобы они не сбылись.

– Ты не можешь уйти! У меня есть для тебя другое задание! Ты выполнишь еще одно деяние по моей воле.

Больше всего – даже больше, чем повторное пленение, – меня раздражали мелькавшие в его речи архаизмы. «Деяние», «злокозненный демон»! Каково, а? Да так уже лет двести как никто не говорит. И ежу ясно, что мальчишка выкопал все это из какой-то старинной книги.

Но архаизмы архаизмами, а он был прав. Большинство обычных пентаклей связывают тебя лишь на один раз, для одного поручения. Выполнишь его – и гуляй. Если ты снова понадобился волшебнику, ему придется проделывать всю канитель с вызовом с самого начала, а это довольно утомительно. Но на пентакль Адельбранда это не распространяется. Его дополнительные линии и заклинания запирают дверь, и ты вынужден остаться и исполнять дальнейшие приказы. Пентакль Адельбранда – сложная магическая формула. Для нее требуется сила и сосредоточение взрослого. И потому я перешел в наступление.

Я позволил столбу пара опасть.

– Ну так и где же он?

Мальчишка был занят: вертел Амулет Самарканда в бледных руках. Он оторвался от созерцания и рассеянно взглянул на меня.

– Кто – он?

– Босс, твой наставник, серый кардинал, тот, кто стоит за кулисами и дергает за ниточки. Тот, кто втравил тебя в это дело, кто научил тебя, что нужно нарисовать и что сказать. Тот, кто так и будет тихо-мирно сидеть в тени, когда джинн Лавлейса поволочет твой истерзанный труп по лондонским крышам. Он затеял какую-то игру, о которой ты даже не догадываешься, сыграл на твоём невежестве и мальчишеском тщеславии.

Это его задело. Уголки его губ слегка изогнулись. Я постарался развить успех.

– Интересно, что он тебе сказал? «Молодец, мальчик, – нарочито покровительственным напевным голосом произнес я. – Я никогда еще не видел такого способного маленького волшебника. Скажи, а ты хотел бы вызвать могущественного джинна? А смог бы? Давай попробуем! Подшутим над кем-нибудь – украдем у него Амулет...»

Мальчишка расхохотался. Гм, неожиданная реакция. Я думал, что он возмутится или забеспокоится. А он рассмеялся.

---

²⁵ Ну да, уничтожив парнишку прежде, чем это успеют сделать они.

Он последний раз повертел Амулет в руках, наклонился и положил его в чашу. Новая неожиданность. Мальчишка вытолкнул чашу на прежнее место – все так же, при помощи своей палки с крючком.

- Что ты делаешь?
- Возьми его обратно.
- Да не нужен он мне!
- Бери, кому говорят!

Я совершенно не желал препираться как идиот с двенадцатилетним мальчишкой – особенно с учетом того, что этот мальчишка сумел навязать мне свою волю. Потому я дотянулся до чаши и подобрал Амулет.

– Ну и что дальше? Предупреждаю: когда Саймон Лавлейс явится сюда за этой штукой, я не стану ее отстаивать. Я верну ее хозяину с поклоном. И укажу на штору, за которой ты будешь прятаться и трястись от страха.

– Подожди.

Мальчишка извлек из внутреннего кармана своей объемистой куртки нечто блестящее. Не помню, упоминал ли я об этом, но куртка была размера на три больше, чем нужно. Очевидно, когда-то она принадлежала очень неаккуратному волшебнику, потому что даже сейчас, несмотря на тщательную починку, носила недвусмысленные следы огня, крови и когтей. Я мысленно пожелал мальчишке такой же судьбы.

Теперь он держал в левой руке отполированный диск – бронзовое гадательное зеркало. Мальчишка проделал правой рукой несколько пассов и сосредоточенно уставился на зеркальную металлическую поверхность. Вскоре пленный бес, обитающий в диске – уж не знаю, кто именно это был, – отозвался. В зеркале появилось затуманенное изображение; мальчик поднес зеркало поближе к глазам. Я стоял слишком далеко, чтобы что-либо разглядеть в зеркале, но мне и так было на что посмотреть, пока мальчишка отвлекся.

Я оглядывал комнату. Я искал хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы узнать, кто он такой. Какое-нибудь письмо с надписанным адресом, прачечная метка на одежде. И то и другое уже случилось. Нет, я, конечно, не надеялся узнать его истинное имя – это уже чересчур. Но для начала сгодилось бы и официальное²⁶.

Но мне не повезло. Самое сокровенное и самое красноречивое место – его рабочий стол – было аккуратно застелено плотной черной тканью. Платяной шкаф в углу был закрыт. Комод – тоже. Среди свечей стояла надтреснутая ваза с цветами. Хм, странная деталь. Вряд ли он сам их туда поставил. Значит, кто-то о нем заботится.

Мальчишка взмахнул рукой, и поверхность зеркала потускнела. Он вернул диск обратно в карман, а потом внезапно посмотрел на меня. Ой-ой-ой. Сейчас что-то будет.

– Бартимеус, – произнес мальчишка, – я велю тебе взять Амулет Самарканда и спрятать его в хранилище магических предметов волшебника Артура Андервуда, спрятать так, чтобы волшебник ничего не узнал об этом. И ты должен сделать это скрытно, так, чтобы никто, ни человек, ни дух, ни на этом плане, ни на всех прочих, не заметили тебя ни по дороге туда, ни по дороге обратно. Я велю тебе после этого немедленно вернуться ко мне, незримо и беззвучно, и ожидать дальнейших приказаний.

---

²⁶ У всех волшебников два имени: истинное, данное при рождении, и официальное. Истинное имя им дают родители, и, поскольку оно тесно связано с подлинной сущностью, оно служит источником огромной силы и слабости. Волшебники стараются хранить свое истинное имя в тайне, ибо если оно станет известно врагу, тот сможет обрести власть над волшебником – точно так же сам волшебник может вызвать джинна лишь при том условии, что ему известно его истинное имя. А потому всякий волшебник тщательно скрывает свое имя, данное ему при рождении, и, когда достигает совершеннолетия, берет себе официальное имя. Знать официальное имя волшебника всегда полезно – но знать его тайное имя многократно полезнее.

Он выпалил все это на одном дыхании, а потому, когда он завершил свою тираду, лицо у него начало синеть²⁷.

Я насупил каменные брови и сверкнул глазами.

– Отлично. Где это несчастное хранилище?

Мальчишка едва заметно улыбнулся.

– Внизу.

11

Внизу... Да, он меня удивил.

– Да ты никак подставляешь своего наставника? Ну ты и гаденыш.

– Ничего я его не подставляю. Просто мне нужно, чтобы эта вещь находилась в безопасности, под защитой его силы. Никто не станет искать Амулет Самарканда там. – Он на миг умолк. – Ну, а если станет...

– То ты будешь вне подозрений. Типичный ход волшебника. Да, ты – способный ученик.

– Никто не станет искать его там.

– Ты так думаешь? Ну, посмотрим.

Но как бы там ни было, я не мог болтаться тут весь день и препираться с мальчишкой. Я наложил на Амулет чары, на время уменьшив его и придав ему вид плывущей по воздуху паутинки. Затем я просочился сквозь дыру от сучка в ближайшей доске, туманом пробрался сквозь пустое пространство между этажами и, приняв обличье паука, осторожно вылез через щелку в потолке комнаты, расположенной этажом ниже.

Я оказался в пустой ванной. Дверь была открыта. Я засеменял по оштукатуренному потолку, поспешно перебирая восемью лапками. Мои жвала тряслись от возмущения. Экая, однако, наглость!

Подставы среди волшебников были делом обычным. Это как бы само собою разуме-лось²⁸.

В том, чтобы подставить собственного наставника, тоже не было ничего из ряда вон выходящего – не считая той подробности, что сопляку всего лет двенадцать. Конечно, взрослые волшебники грызутся со смехотворной регулярностью. Но ввязываться в это в самом начале карьеры, когда еще только-только изучаешь правила игры...

Почему я был так уверен, что этот волшебник, о котором идет речь, – наставник мальчишки? Ну, до тех пор, пока древние традиции не рухнут и подмастерьев не начнут обучать всех вместе, в школах (что маловероятно), другого варианта просто и не представишь.

Волшебники жаждут власти, которую дают знания, страстно, как нищий алчет золота. Так что они ревностно берегут добытую мудрость и очень неохотно ею делятся. Еще со времен Средних Магов ученики всегда живут в доме у своих мастеров. Один наставник –

---

²⁷ Вообще-то это было разумно с его стороны. Когда имеешь дело с такими умными и ловкими существами, как я, иначе нельзя. Если волшебник сделает паузу для вдоха, это частенько можно истолковать как окончание – а в таком случае бывает, что смысл приказа изменяется или оно вовсе превращается в полную чушь. В общем, если мы можем что-нибудь истолковать превратно к своей выгоде, мы это непременно делаем.

²⁸ Волшебники – самые завистливые, двуличные и неразборчивые в средствах люди в мире, даже если считать адвокатов и академиков. Они поклоняются власти и рвутся к ней, используя малейшую возможность подставить ножку сопернику. По приблизительным подсчетам, в восьмидесяти процентах случаев волшебник вызывает демона затем, чтобы устроить какое-нибудь надувательство, направленное против собратьев-волшебников, либо чтобы защититься от такового. А в большинстве столкновений между духами, напротив, нет ничего личного, уже просто потому, что происходят эти столкновения не по их воле. Вот, например, я в настоящий момент не испытываю к Факварлу никаких особых чувств. Хотя нет, вру. Я терпеть его не могу, но ничуть не более, чем обычно. Однако же нашей взаимной ненависти потребовалось много веков – точнее говоря, добрая тысяча лет, – чтобы зародиться и окрепнуть. Волшебники же грызутся просто забавы ради. А нам приходится на них пахать.

один ученик. И уроки проводятся втайне, скрытно. От зиккуратов до пирамид, от священных дубов до небоскребов – ничто не изменилось за прошедшие четыре тысячи лет.

Итак, подведем итог: похоже, что этот неблагодарный ребенок ради спасения собственной шкуры готов был навлечь на неповинную голову своего наставника гнев могущественного волшебника. Надо признаться, это произвело на меня сильное впечатление. Даже если учитывать, что он состоит в сговоре с каким-то взрослым – предположительно с каким-то врагом своего учителя, – для двенадцати летки это восхитительно извращенный план.

Я пробрался на своих восьми цыпочках в коридор. А потом я увидел наставника.

Я никогда не слышал об этом волшебнике, мистере Артуре Андервуде. А потому предположил, что это, должно быть, какой-нибудь мелкий фокусник, жульничающий и играющий на суевериях, и что он просто-напросто никогда не решался беспокоить высших существ, таких как я. И конечно же, когда он прошел подо мной, направляясь в ванную (вовремя я оттуда убрался!), оказалось, что он выглядит как типичнейшая посредственность. И верным признаком того были все неизменные атрибуты, которые почему-то ассоциируются у обычных людей с великой и могущественной магией: нечесаная пепельная грива, длинная белесая борода, торчащая вперед, словно нос корабля, и чрезвычайно косматые брови²⁹.

Мне представилось, как он, в черном бархатном костюме, шагает по лондонским улицам, и волосы развеваются у него за спиной. В руках у него должна быть трость с золотым набалдашником, а на плечах – щегольской плащ. Да, впечатляющая картина. Особенно по сравнению с тем, как он выглядел сейчас: старик то и дело наступал на слишком длинные штанины пижамных брюк и почесывал свои неудобосказуемые места, а из-под мышки у него торчала свернутая газета.

– Марта! – крикнул волшебник, прежде чем затворить за собой дверь ванной.

Из спальни вынырнула маленькая шарообразная женщина – к счастью, одетая.

– Что, дорогой?

– Ты же, кажется, говорила, что та женщина вчера делала уборку!

– Да, дорогой, делала. А что такое?

– Да то, что с потолка на самом видном месте свисает паутина. И там же болтается омерзительный паук. Гадость какая! Эту уборщицу стоило бы уволить.

– Ох, вижу! И вправду гадкий. Не волнуйся, я с ней поговорю. И сейчас же все уберу.

Великий волшебник недоверчиво хмыкнул и закрыл дверь. Женщина снисходительно покачала головой и, напевая себе под нос какой-то веселенький мотивчик, ушла вниз. «Омерзительный» паук сделал двумя лапками непристойный жест и побежал по потолку, волоча за собой паутинку.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы отыскать вход в рабочий кабинет – он находился под коротким лестничным пролетом. И там-то я и застрял. Дверь защищал от непрошенных гостей охранный знак в виде пятиконечной звезды. Довольно простое приспособление. Казалось, будто звезда нарисована отслаивающейся красной краской. Но если какой-нибудь неосторожный чужак откроет дверь, ловушка сработает, и «краска» вернется в изначальное состояние. А из звезды ударит огненная молния.

Да-да, звучит это все очень неплохо. Но на самом деле – совершенно примитивная штука. Такой можно прихлопнуть разве что не в меру любопытную горничную, но уж никак не Бартимеуса. Я прикрыл себя Щитом, коснулся кончиком лапки верхнего края двери и тут же отскочил на метр.

---

²⁹ Мелкие волшебники из кожи вон лезут, только бы соответствовать этой традиционно волшебнической внешности. А вот вправду могущественные маги зачастую выглядят как бухгалтеры – их это забавляет.

В красных контурах звезды проступили тонкие оранжевые прожилки. Секунду спустя нарисованные линии растеклись во все стороны, а затем из верхнего луча ударила струя пламени, срикошетила от потолка и ринулась ко мне.

Я готов был к тому, что сейчас на мой Щит обрушится удар, но этого так и не произошло. Пламя обогнуло меня и ударило в паутинку, которую я тащил за собой. И паутинка выпитала его – выпила все пламя из звезды, как пьют сок через соломинку. Мгновение, и все было кончено. Пламя исчезло. Оно скрылось в паутинке, а та осталась такой же холодной.

Я в легком недоумении огляделся по сторонам. На деревянной двери кабинета выделялась угольно-черная, словно бы выжженная звезда. Пока я глазел, знак постепенно начал наливаться красным – накапливал энергию для следующего непрошеного гостя.

И вдруг я понял, что произошло. Ну конечно же! Амулет Самарканда сделал именно то, что и полагается делать амулетам, – защитил своего носителя!³⁰ И неплохо защитил к тому же. Он без малейших затруднений выпил заряд знака. Прекрасно, мне это на руку. Я снял Щит, протиснулся в щель между дверью и косяком и оказался в рабочем кабинете Андервуда.

За дверью ловушек уже не оказалось, ни на каком плане. Еще один признак того, что этот волшебник – птица невысокого полета. (Мне вспомнилась обширная сеть, которую воздвиг вокруг своего дома Саймон Лавлейс – и которую я преодолел лишь на чистом нахальстве. М-да, если мальчишка думает, что под «защитой» его наставника Амулет будет в безопасности, то он сильно ошибается.) Комната была аккуратной, хотя и пыльной. Среди прочего там имелся запертый шкаф – наверное, именно там Андервуд держал свои сокровища. Я забрался туда через замочную скважину и протащил паутинку.

Оказавшись внутри, я устроил небольшую Иллюминацию. На трех стеклянных полках была любовно разложена всякая магическая мишура – жалкий набор. Некоторые из вещей – хоть тот же Кошелек Лудильщика, с потайным отделением для «исчезновения» монет, – вообще не были волшебными. Да, я, пожалуй, чрезмерно зависил оценку, когда назвал этого Андервуда посредственностью. Мне почти стало жаль старого недотепу. Авось Саймон Лавлейс никогда не доберется до него и не призовет к ответу.

В дальней части шкафа стояла яванская птица-тотем; ее клюв и перья сделались серыми от пыли. Я проволока паутинку между кошельком и кроличьей лапкой времен короля Эдуарда и засунул за тотемную птицу. Отлично. Тут ее никто не найдет – разве что если специально будут искать. В конце концов я развеял заклинание и вернул Амулету нормальный вид и размер.

На этом мое задание было выполнено. Оставалось лишь вернуться к мальчишке. Я безо всяких затруднений покинул шкаф и кабинет и отправился наверх. Тут-то и началось самое интересное.

Само собой, я отправился обратно в мансарду и как раз поднимался по наклонному потолку над лестницей, когда мимо меня вдруг прошел мальчишка. Он недовольно плелся следом за женой волшебника. Очевидно, его только что вытащили из комнаты.

Я мгновенно воспрянул духом. Он оказался в незавидном положении и, судя по лицу, сам это понимал. Он знал, что я где-то здесь неподалеку и ничем не связан. Он знал, что я пойду обратно, поскольку мне было велено «немедленно вернуться к нему, незримо и беззвучно, и ожидать дальнейших приказаний». Он понимал, что этот приказ теперь дает мне возможность следовать за ним, смотреть и слушать, возможность побольше разузнать о нем, – и он ничего не мог с этим поделать. И не сможет до тех самых пор, пока не вернется к себе в комнату и не встанет в пентакль.

---

³⁰ Амулеты – защитные магические приспособления; они отгоняют зло. Это пассивные артефакты, и, хотя они способны поглотить или отклонить любую разновидность вредоносной магии, владелец не в состоянии контролировать их действие. Этим они и отличаются от талисманов – в тех содержатся активные магические силы, которые владелец талисмана может использовать по своему усмотрению. Подкова – это простейший амулет, а сапоги-скороходы – талисман.

Одним словом, он утратил контроль над ситуацией, а такое положение дел опасно для любого волшебника.

Я развернулся и заспешил за ними следом. Меня никто не видел и не слышал – в точности как мне и было приказано.

Женщина с мальчиком спустились на первый этаж и остановились у какой-то двери.

– Он здесь, милый, – сказала женщина.

– Ага, – сказал мальчик.

В голосе у него звучали покорность и уныние, что меня немало порадовало.

Они вошли – женщина первой, мальчик за нею. Дверь захлопнулась так быстро, что мне пришлось срочно выбросить вперед пару паутинок, чтобы успеть влететь в дверной проем. Получился на редкость эффектный акробатический трюк. Даже жаль, что его никто не видел. Но ничего не поделаешь. Сказано «незримо и беззвучно» – будем незримиыми и беззвучными.

Мы очутились в столовой, в которой царил полумрак. Волшебник, Артур Андервуд, в одиночестве восседал во главе темного полированного обеденного стола. Перед ним стояли серебряный кофейник и чашка с блюдцем. Его внимание по-прежнему было поглощено газетой. Когда женщина и мальчик вошли, волшебник как раз перевернул страницу и снова сложил газету пополам. Он даже не поднял взгляда.

Женщина подошла поближе к столу.

– Артур, Натаниэль пришел, – сказала она.

Паук попятился и забился в темный угол у двери. И даже не вздрогнул, услышав эти слова, – сидел неподвижно, как умеют только пауки. Но внутренне он затрепетал от восторга. Значит, Натаниэль! Неплохо для начала.

Мальчишка скривился, и у него забегали глаза. Несомненно, он пытался догадаться, здесь ли я. Я с удовольствием любовался на его терзания.

Волшебник не подал виду, что услышал жену, – так и остался сидеть, уткнувшись носом в газету. Его жена принялась возиться с довольно жалкой композицией из сухоцветов на каминной доске. Я начал догадываться, откуда взялся букет в комнате мальчишки. Сухие цветы для мужа, свежие для ученика – хм, любопытно.

Андервуд развернул газету, перевернул страницу, снова сложил газету вдвое и продолжил чтение. Мальчик молча стоял и ждал. Теперь, когда я пребывал за пределами круга – то есть не находился под непосредственным контролем мальчишки, – я мог изучить его более беспристрастно. Он, естественно, снял свою потрепанную куртку, и теперь на нем был скромный наряд, состоящий из серых брюк и джемпера. Влажные волосы были зачесаны назад. Под мышкой мальчишка держал стопку бумаги. В общем, совсем другой вид.

У него не было никаких особых примет – ни родинок, ни шрамов, ни еще чего-нибудь запоминающегося. Темные прямые волосы, лицо с заостренными чертами. Очень бледная кожа. Посторонний человек сказал бы, что это самый обыкновенный, ничем не примечательный мальчишка. Но поскольку я был мудрее и предубежденнее случайного зрителя, то подметил и пронизательный, цепкий взгляд, и пальцы, нетерпеливо постукивающие по стопке бумаги, а самое главное – его настороженность и готовность мгновенно изобразить именно то выражение лица, которого от него ожидают. Вот сейчас он изображал покорность и внимание, польстившие бы любому тщеславному старику. Но при этом парнишка продолжал зыркать по сторонам, выискивая меня.

Я решил облегчить ему задачу. Когда мальчишка посмотрел в мою сторону, я сделал несколько быстрых шажков, помахал лапками и бодро повиялял брюшком. Мальчишка заметил меня, побледнел еще сильнее и прикусил губу. Сейчас он ничего не мог со мной поделать, не раскрыв при этом своей затеи.

Когда мой танец был в самом разгаре, Андервуд вдруг заворчал и хлопнул ладонью по газете.

– Нет, ты только глянь, Марта! – сказал он. – Мейкпис опять забивает театры своим восточным вздором. «Лебеди Аравии». Ты когда-нибудь слыхала подобную сентиментальную чушь? И однако же все билеты распроданы, вплоть до конца января! Экая нелепость!

– Что, уже все билеты проданы? Ой, Артур, а мне бы хотелось сходить...

– И я цитирую: «...о том, как милая девушка-миссионерка из Чизвика влюбилась в опаленного солнцем джинна...» – это не просто высокопарная романтика, это еще и довольно опасные бредни! Они вводят людей в заблуждение.

– Но, Артур...

– Марта, тебе доводилось видеть джиннов. Тебе попадался хоть один «темноглазый джинн, от взгляда которого тает сердце»? От взгляда которого тает лицо – в это я еще поверю.

– Конечно, дорогой, ты совершенно прав.

– Мейкпису следовало бы это знать. Позор. Я непременно вмешался бы, но он уж больно в хороших отношениях с премьер-министром.

– Да, дорогой. Хочешь еще кофе?

– Нет. Лучше бы премьер-министр не убивал время на светские развлечения, а помог моему департаменту внутренних дел. Еще четыре кражи, Марта! Еще четыре за последнюю неделю! И опять – разнообразные ценные предметы. Я уже говорил, Марта: так мы полетим под откос!

И с этими словами Андервуд осторожно приподнял рукой усы и отработанным движением поднес к губам чашку. Пил он долго и шумно.

– Марта, кофе совсем остыл. Принеси еще, пожалуйста.

Жена поспешила выполнить его просьбу. Когда она вышла, волшебник отложил газету и наконец-то соизволил заметить своего ученика.

– Угу, – ворчливо протянул старик. – Ты тут.

Несмотря на все тревоги, голос мальчишки был ровен и спокоен.

– Да, сэр. Вы за мной посылали, сэр.

– Действительно, посылал. Я поговорил с твоими учителями, и все они, за исключением мистера Синдры, вполне довольны твоими успехами.

Мальчик открыл было рот, чтобы поблагодарить наставника, но тот жестом велел ему умолкнуть.

– Видит небо, после того, что ты натворил в прошлом году, ты не заслуживаешь таких отзывов. Однако же, несмотря на отдельные недочеты, на которые я неоднократно обращал твое внимание, ты добился определенного успеха в основных дисциплинах. А потому, – драматическая пауза, – я решил, что тебе пора произвести свое первое заклинание демона.

Он произнес последнюю фразу медленно и звучно, явно для того, чтобы ученик исполнился благоговейного трепета. Но Натаниэлю, как я теперь, к немалой своей радости, мог величать парнишку, было не до того. Его мысли занимал паук.

Его беспокойство не ускользнуло от внимания Андервуда. Волшебник властно постучал по столу, чтобы привлечь внимание ученика.

– Послушай-ка меня, мальчик, – сказал он. – Если ты будешь так волноваться при одной лишь мысли о вызове демона, ты никогда, никогда не станешь волшебником. Волшебник, получивший хорошую подготовку, ничего не боится.

Мальчик собрался и заставил себя переключить внимание на наставника.

– Да, сэр. Конечно, сэр.

– Кроме того, во время этого ритуала я буду рядом с тобой, в дополнительном круге. Я подготовлю десяток защитных заклинаний и возьму с собой толченый розмарин. Мы начнем со слабенького демона, с жабба³¹. Если все пройдет успешно, затем мы вызовем мулера³².

Старый волшебник был на редкость невнимателен: он не заметил презрительного огонька, вспыхнувшего в глазах мальчишки. Он слышал лишь его вежливые, в меру нетерпеливые слова.

– Да, сэр. Не могу дождаться.

– Превосходно. Ты получил свои линзы?

– Да, сэр. Они прибыли на прошлой неделе.

– Хорошо. Нам остается уладить лишь один вопрос – а именно...

– С той дверью, сэр?

– Не смей меня перебивать, мальчик. Этот вопрос – и я его отложу, если ты будешь дерзить, – это выбор твоего официального имени. Мы займемся этим сегодня во второй половине дня. После обеда принеси ко мне в библиотеку Альманах имен Лозва. Мы вместе подберем для тебя что-нибудь.

– Да, сэр, – еле слышно произнес мальчишка. Плечи его поникли. Ему не нужно было смотреть, как я радостно отплясываю в углу, чтобы удостовериться, что я все слышал и все понял. Натаниэль – это не официальное имя. Это его настоящее имя! Этот дурень вызвал меня прежде, чем предал свое истинное имя забвению! И теперь оно известно мне!

Андервуд поерзал в кресле.

– Ну, и чего ты ждешь, мальчик? Сейчас не время бездельничать. Тебе пора на уроки. Давай, иди.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

И мальчишка поплелся к двери. А я сделал сальто, оттолкнувшись всеми восемью лапками, развернулся в воздухе и последовал за ним.

Теперь у меня была на него управа. Я почувствовал себя чуть увереннее. Он знает мое имя, а я знаю его. У него шесть лет опыта, у меня – пять тысяч десять. Вы просто не поверите, каких результатов можно добиться при таком раскладе.

Я сопровождал его всю дорогу. Теперь мальчишка еле брел, волоча ноги. Ну давай же, шевелись! Возвращайся в свой пентакль! Я помчался вперед. Мне не терпелось приступить к состязанию.

О, теперь мы поговорим по-другому!

---

³¹ Жабб – трусоватое существо, по виду и повадкам смахивающее на унылую жабу.

³² Мулер – мелкий бес, еще более непривлекательный, чем жабб, хотя и трудно поверить, что такое возможно.

Натаниэль

12

Однажды летом, когда Натаниэлю было десять лет, он сидел со своей преподавательницей на каменной скамейке в саду и рисовал с натуры каштан, возвышающийся над стеной. Солнце горело на красных кирпичках. На стене валялся серо-белый кот, лениво помахивая хвостом. Легкий ветерок шевелил листья дерева и нес слабый аромат цветущих рододендронов. Мох на статуе человека с молнией отливал ярко-зеленым. Жужжали насекомые.

В тот день все изменилось.

– Терпение, Натаниэль.

– Вы уже столько раз это повторяли, мисс Лютьенс!

– И, несомненно, повторю еще. Ты слишком неугомонен – это твой главный недостаток.

Натаниэль раздраженно принялся штрихами изображать тень.

– Но ведь обидно же! – воскликнул он. – Он никогда мне ничего не разрешает даже попробовать! Я только и делаю, что расставляю свечи и благовония – да я бы это мог сделать, не просыпаясь и стоя на голове! Он даже не разрешает мне разговаривать с ними.

– И правильно, – твердо заявила мисс Лютьенс. – Натаниэль, не забывай – я просила изобразить игру светотени. Никаких резких линий.

– Все равно обидно! – скривившись, сказал Натаниэль, – Он же даже не понимает, что я могу. Я прочитал все его книги, и...

– Все-все?

– Ну, не совсем. Все с той полки. Он говорил, что мне там хватит работы до двенадцати лет. А мне еще не исполнилось одиннадцати, мисс Лютьенс. Я же уже освоил все Слова Управления и Контроля. Ну, большую часть. Я мог бы отдать приказ джинну, если мистер Андервуд вызовет его для меня. Но он не позволяет мне даже попробовать!

– Я даже не знаю, Натаниэль, что выгорит непригляднее: твоя похвальба или твоя раздражительность и нетерпеливость. Лучше бы ты перестал злиться из-за того, чего у тебя пока еще нет, и радовался тому, что у тебя есть. Например, этому саду. Я вот очень рада, что ты придумал провести наш сегодняшний урок здесь.

– Я стараюсь почаще сюда приходиться. Здесь мне лучше думается.

– Меня это не удивляет. Тихое, уединенное местечко... В Лондоне немного найдется таких уголков, так что будь благодарен судьбе.

– А он составляет мне компанию. – Натаниэль указал на статую. – Он мне нравится, хоть я и не знаю, кто это.

– Кто – он? – Мисс Лютьенс подняла взгляд от альбома, хотя рука ее продолжала работать, – А, это несложно. Это Глэдстоун.

– Кто-кто?

– Глэдстоун. Разве ты не знаешь? Вы же должны были с мистером Парцеллом изучать новую историю.

– Мы изучаем современную политику.

– Но это тоже не такая уж давняя политика. Глэдстоун жил около ста лет назад. Он был великим героем своего времени. Наверное, по стране стоят тысячи его статуй. И это вполне справедливо, если посмотреть на дело с твоей стороны. Ты многим ему обязан.

– Я? Почему? – озадаченно переспросил Натаниэль.

– Это был самый могущественный волшебник из всех, кто когда-либо становился премьер-министром. Он властвовал тридцать лет викторианской эпохи. И это именно он подчинил враждующие группировки волшебников государственному контролю. Ты наверняка должен был слышать о его дуэли с чародеем Дизраэли в Вестминстерском сквере. Нет? Непременно сходи туда и посмотри. Там до сих пор видны оплавленные пятна. Глэдстоун славился своей необычайной энергией и непреклонностью. Он никогда не отступал, даже если обстоятельства складывались не в его пользу.

– Ясно.

Натаниэль посмотрел на суровое лицо, глядящее из-под мха. Каменная рука крепко, уверенно сжимала молнию, собираясь метнуть ее во врага.

– Мисс Лютьенс, а из-за чего случилась та дуэль?

– Насколько я понимаю, Дизраэли отпустил какое-то грубое замечание в адрес подруги Глэдстоуна. Это было большой ошибкой с его стороны. Глэдстоун никогда и никому не позволял задевать его честь или честь его друзей. Он был очень могущественным и готов был в любой момент бросить вызов любому, кто нанесет ему обиду.

Она сдула с бумаги графитовую пыль и, повернув рисунок к свету, принялась придирчиво его разглядывать.

– Кроме того, Глэдстоун больше всех послужил магическому возвышению Лондона. В те дни Прага по-прежнему оставалась самым могущественным городом мира, но ее время давно ушло. Старый, испорченный, декадентский город. Ее волшебники развлекались драками в трущобах гетто. Глэдстоун же выработал новые идеалы и новые пути. Он приобрел некоторые реликвии и привлек сюда множество иностранных волшебников. И Лондон стал таким, каким, к добру или к худу, остается по нынешний день. Вот этим ты ему обязан.

Натаниэль удивленно взглянул на преподавательницу.

– А почему «к добру или к худу»? Чего в этом плохого?

Мисс Лютьенс поджала губы.

– Нынешняя система чрезвычайно выгодна для волшебников и тех немногих счастливыхчиков, кто сумел пристроиться рядом с ними. И куда менее благоприятна для всех прочих. А теперь покажи, что у тебя получается.

Что-то в тоне мисс Лютьенс пробудило негодование Натаниэля, и в памяти у него всплыли уроки мистера Парцелла.

– Не смейте так говорить о правительстве! – заявил он. – Без волшебников страна оказалась бы беззащитной! К власти пришли бы простолюдины, и империя просто развалилась бы. Волшебники отдают свои жизни служению стране. Не забывайте об этом, мисс Лютьенс.

Голос его прозвучал резко и неприятно – Натаниэль сам это слышал.

– Не сомневаюсь, что ты, когда вырастешь, непременно посвятишь свою жизнь служению родной стране, Натаниэль, – непривычно резким тоном произнесла мисс Лютьенс. – Но на самом деле далеко не во всех странах есть волшебники. Многие прекрасно обходятся и без них.

– Похоже, вы много об этом знаете.

– Много – для скромной преподавательницы? И что, это тебя удивляет?

– Ну, вы же всего лишь простолюдинка... – Натаниэль запнулся и покраснел. – Извините, я не хотел...

– Да нет, ничего, – отрывисто отозвалась мисс Лютьенс. – Я действительно простолюдинка. Но, видишь ли, волшебники не владеют монополией на знания. Отнюдь нет. И, кроме того, знания и разум – разные вещи. И когда-нибудь ты сам в этом убедишься.

Несколько минут они молча трудились над рисунками. Кот на стене лениво отмахнулся от кружившей над ним осы. Наконец Натаниэль нарушил молчание.

– Мисс Лютьенс, а вы не хотите стать волшебницей? – негромко спросил он.

Учительница коротко рассмеялась.

– Я не удостоена такой привилегии, – сказала она. – Нет, я всего лишь учительница рисования и довольна этим.

Натаниэль попробовал зайти с другой стороны.

– А чем вы занимаетесь, когда вы не здесь? В смысле, не на наших уроках?

– Учу других учеников, естественно. Что по-твоему, я иду домой и там маюсь от скуки? Мистер Андервуд платит мне не настолько много, чтобы я могла позволить себе просто сидеть и скучать. Мне нужно работать.

– А...

Натаниэлю никогда не приходило в голову, что у мисс Лютьенс могут быть другие ученики. И от этой новости у него почему-то противно заныло под ложечкой.

Наверное, мисс Лютьенс это почувствовала. Она немного помолчала и добавила уже не таким ледяным тоном:

– Ну, во всяком случае, я всегда с нетерпением жду уроков в этом доме. Это один из лучших моментов моей рабочей недели. С тобой приятно общаться, хотя ты и склонен к поспешности и думаешь, будто знаешь все на свете. Так что выше нос! И покажи мне, как у тебя получился каштан.

И они принялись спокойно обсуждать всякие тонкости изобразительного искусства. Беседа вновь вернулась в обычное мирное русло. Но вскорости урок прервало появление чрезвычайно взволнованной миссис Андервуд.

– Натаниэль! – воскликнула она. – Вот ты где!

Мисс Лютьенс и Натаниэль вежливо поднялись со скамьи.

– Я уже тебя обыскала, милый, – тяжело дыша, произнесла миссис Андервуд, – Я думала, вы в комнате для занятий...

– Извините, миссис Андервуд, – начала было мисс Лютьенс. – Но день выдался такой чудный...

– Ой, да ничего страшного. Все в порядке. Просто муж велел немедленно позвать Натаниэля. У него гости, и он захотел представить им своего ученика.

– Ну, вот видишь, – тихонько сказала мисс Лютьенс, пока они поспешно шли к дому. – Мистер Андервуд вовсе не пренебрегает тобой. Раз он решил представить тебя другим волшебникам, значит, он очень тобою доволен. Он собирается тобой хвастаться!

Натаниэль слабо улыбнулся, но ничего не ответил. При мысли о встрече с другими волшебниками ему сделалось очень не по себе. За все эти годы ему никогда не позволяли попадаться на глаза коллегам его наставника, которые порой бывали в доме. Его всегда выпроваживали в мансарду или отсылали вместе с преподавателем куда-нибудь наверх, с глаз подальше. И нынешний поворот событий был если не пугающим, то уж точно новым и волнующим. Натаниэлю представилась комната, заполненная высокими, погруженными в раздумья людьми, сильными мира сего, представились их бороды и свободные одеяния, представилось, как они смотрят на него... У него задрожали колени.

– Они в гостиной, – сказала мисс Андервуд, когда они вошли в кухню. – Дай-ка я на тебя взгляну...

Она намочила палец и быстренько стерла с виска Натаниэля полосу, оставленную грифелем.

– Вполне приличный вид. Ну хорошо, иди.

В комнате действительно было полно народу – это Натаниэль угадал верно. В ней было жарко от жара тел, запаха чая и потуг вести светские беседы. Но в тот самый миг, как он затворил за собой дверь и шагнул к единственному незанятому пятачку рядом с резным

комодом, представлявшаяся ему величественная картина общества великих людей развеялась без следа.

Они выглядели совершенно иначе.

Ни единого плаща в гостиной не оказалось. Виднелось, правда, несколько недурственных бород, но всем им было далеко до бороды мистера Андервуда. На мужчинах по большей части были надеты тусклые, невыразительные костюмы и еще более тусклые галстуки; лишь немногие позволяли себе какой-нибудь смелый штрих – например, серый жилет или выглядывающий из нагрудного кармана носовой платок. На всех были начищенные черные туфли. У Натаниэля возникло ощущение, будто он по ошибке угодил на вечеринку сотрудников похоронного бюро. Никто из присутствующих не походил на Глэдстоуна ни силой, ни манерами. Одни были низкорослыми, другие – старыми и раздражительными, и многие – склонными к полноте. Они увлеченно беседовали, попивали чай, лениво грызли печенье, и ни один не возвышал голос настолько, чтобы выбиться из общего гула.

Натаниэль был жестоко разочарован. Он засунул руки в карманы и глубоко вздохнул.

Его наставник медленно пробирался через толчею, пожимая руки и время от времени издавая странный короткий смешок, когда кто-нибудь из гостей говорил нечто такое, что, по мнению мистера Андервуда, следовало считать шуткой. Заметив Натаниэля, наставник жестом велел ему подойти. Натаниэль подошел, протиснувшись между чайным подносом и чьим-то объемистым животом.

– А вот и мальчик, – грубовато произнес мистер Андервуд и неуклюже хлопнул Натаниэля по плечу. Трое мужчин уставились на него. Один из них был старым, седым, с морщинистым и красным, словно иссушенный солнцем помидор, лицом. Второй – средних лет тип с одутловатым лицом и водянистыми глазами; кожа у него на вид была холодной и склизкой, словно у рыбы на прилавке. Третий был куда моложе и красивее, с зачесанными назад волосами, круглыми очками и сверкающими белыми зубами. Натаниэль молча уставился на них.

– Не особенно впечатляет, – сказал склизкий тип. Фыркнул и что-то проглотил.

– Он медленно учится, – сказал наставник Натаниэля; он по-прежнему рассеянно похлопывал Натаниэля по плечу, и было ясно, что он себя чувствует не в своей тарелке.

– Лентяй, значит? – переспросил старик. Он говорил с таким сильным акцентом, что Натаниэль с трудом разбирал его слова. – С мальчиками это бывает. Ты должен упорно трудиться.

– А вы его бьете? – спросил склизкий тип.

– Нечасто.

– Зря, зря. Это стимулирует память.

– Сколько тебе лет, мальчик? – спросил младший из волшебников.

– Десять, сэр, – вежливо ответил Натаниэль, – В ноябре будет одинна...

– Еще два года до того, как вам с него будет хоть какая-нибудь польза, Андервуд. – Молодой человек вел себя так, словно Натаниэля здесь и вовсе не было, – И, наверное, обходится вам в кругленькую сумму?

– Что, его содержание? Ну да, естественно.

– И наверняка ведь прожорлив, как хорек.

– Обжора, значит? – сказал старик и с сожалением кивнул: – Да, с мальчиками это бывает.

Натаниэль едва сдерживал негодование.

– Я не обжора, сэр, – возразил он, стараясь говорить как можно вежливее.

Старик скользнул по нему взглядом и тут же отвернулся, словно бы ничего и не услышал. Но наставник довольно чувствительно хлопнул Натаниэля по плечу.

– Ладно, мальчик, можешь возвращаться к урокам, – сказал он. – Иди.

Натаниэль только рад был уйти отсюда, но едва лишь он двинулся к двери, как молодой волшебник в очках вскинул руку.

– Я смотрю, у тебя острый язык, – сказал он. – И старших ты не боишься.

Натаниэль промолчал.

– Может, ты не веришь, что мы не только старше, но и лучше?

Он произнес это небрежно, но в голосе отчетливо прозвучали резкие нотки. Натаниэль понял, что сам он тут не имеет никакого значения и что молодой волшебник старается через него допечь его наставника. Он чувствовал, что должен ответить, но вопрос сбил его с толку, и Натаниэль просто не понимал, что тут можно сказать.

Молодой волшебник неверно истолковал его молчание.

– Похоже, он считает, что мы недостойны беседовать с ним, – сказал он коллегам и усмехнулся.

Склизкий тип прыснул, прикрыв рот ладонью, а краснолицый старик покачал головой.

– Ай-ай-ай.

– Иди, мальчик, – повторил наставник Натаниэля.

– Погодите, Андервуд, – широко улыбаясь, произнес молодой волшебник. – Давайте, прежде чем отпускать его, посмотрим, чему вы научили щенка. Это будет забавно. Иди сюда, малый.

Натаниэль посмотрел на наставника, но тот отвел взгляд. Натаниэль медленно и неохотно вернулся обратно. Молодой волшебник с напыщенным видом щелкнул пальцами и принялся засыпать Натаниэля вопросами.

– Сколько классифицированных типов духов известно на настоящий момент?

– Тринадцать тысяч сорок шесть, сэр, – без малейшей запинки ответил Натаниэль.

– А неклассифицированных?

– Петроний говорил о сорока пяти тысячах, а Заваттини – о сорока восьми, сэр.

– Каков *modus operandi* карфагенской подгруппы?

– Они являются в виде плачущих младенцев или копируют облик самого волшебника в молодости.

– Что нужно сделать, чтобы удержать такого духа в узде?

– Заставить его выпить кадку ослиного молока.

– Хм. Какие предосторожности нужно предпринять, если вызываешь василиска?

– Запастись зеркалом, сэр. И поставить зеркала по сторонам от пентакля, чтобы василиск мог смотреть только в одну сторону, туда, где его будет ожидать написанный приказ.

К Натаниэлю вернулась уверенность. Все эти несложные вещи он выучил давным-давно. А кроме того, ему приятно было видеть, что его безукоризненно верные ответы бесят молодого волшебника. Склизкий тип перестал хихикать, а старик, который слушал Натаниэля, склонив голову набок, пару раз даже кивнул и проворчал нечто одобрительное. Наставник Натаниэля самодовольно улыбался. «Это все не твоя заслуга! – с яростью подумал Натаниэль. – Ты ничему меня не научил! Все это я прочел сам!»

Шквал вопросов, которые обрушил на Натаниэля молодой волшебник, стих. Похоже, тот задумался.

– Ну, ладно, – сказал он наконец. Теперь он говорил медленно и напыщенно. – Назови шесть Слов Управления. На любом языке.

– Саймон, это нечестно! – попытался было возразить мистер Андервуд. – Он еще не может этого знать!

Но в тот же самый миг заговорил и Натаниэль. Он уже успел покопаться в большом книжном шкафу и заглянуть кое в какие старые книги.

– Appare; Mane; Ausculta; Se Dede; Pare; Redi – Появись; Остаешься; Слушай; Подчиняйся; Повинуйся; Вернись.

И, договорив, он победно взглянул в глаза молодому волшебнику.

Слушатели одобрительно загомонили. Наставник Натаниэля сиял, не скрывая улыбки, склизкий тип приподнял брови, а старик состроил насмешливую гримасу и пробормотал одними губами: «Браво!» Но молодой волшебник лишь небрежно пожал плечами, словно все это было сущим пустяком. Он держался так надменно и презрительно, что законная гордость Натаниэля сменилась яростью.

– Да, видать, стандарты нынче не те, что раньше, – сказал молодой волшебник, извлекая из кармана носовой платок и стирая с рукава несуществующее пятнышко, – раз отстающего ученика хвалят за то, что мы впитывали еще с молоком матери.

– Вы просто не любите проигрывать, – сказал Натаниэль.

На миг воцарилась тишина. Потом молодой волшебник пролаял какое-то слово, и Натаниэль почувствовал, как на его плечи легло что-то маленькое, плотное и тяжелое. Невидимые руки вцепились в волосы Натаниэля и дернули с такой силой, что лицо его оказалось запрокинуто к потолку, и он вскрикнул от боли. Натаниэль попытался поднять руки, но обнаружил, что они крепко прижаты к бокам; его с силой обвило нечто вроде гигантского языка. Он не видел ничего, кроме потолка; чьи-то тонкие пальцы легонько погладили его незащищенное горло. Натаниэль в панике принялся звать наставника.

Кто-то подошел к нему – но это был не наставник. Это был тот молодой волшебник.

– Ты, наглый сорванец, – негромко произнес волшебник. – И что ты теперь будешь делать? Способен ли ты освободиться? Нет. Поразительно, правда? Ты совершенно беспомощен. Ты выучил несколько слов, но ты ни на что не способен. Возможно, благодаря этому уроку ты поймешь, как опасно дерзить, если тебе не под силу дать сдачи. А теперь – прочь с глаз моих.

Кто-то хихикнул прямо в ухо Натаниэлю и взлетел с его плеч, с силой оттолкнувшись. В тот же миг мальчик почувствовал, что руки его свободны. Голова его упала на грудь, из глаз хлынули слезы. Слезы текли от боли – все-таки его очень чувствительно дернули за волосы, – но Натаниэль боялся, что волшебники припишут их трусости. Он быстро вытер лицо рукавом.

Было тихо. Все волшебники оторвались от беседы и смотрели на мальчика. Натаниэль взглянул на наставника, безмолвно взывая о поддержке, но глаза Артура Андервуда горели гневом, и гнев этот, похоже, был направлен на ученика. Он ответил учителю таким же взглядом, потом развернулся, прошел сквозь комнату – волшебники молча расступались перед ним, – открыл дверь и вышел.

И осторожно, тихо затворил дверь за собой.

Он поднялся наверх, с бледным, ничего не выражающим лицом.

На лестнице ему встретилась миссис Андервуд – она как раз спускалась.

– Ну как, милый? – спросила она у Натаниэля. – Удалось тебе блеснуть? Все в порядке?

Натаниэль не мог смотреть ей в глаза, так ему было горько и стыдно. Он хотел было молча пройти мимо, но в последний момент притормозил.

– Да, все нормально, – сказал он. – А скажите, пожалуйста, вы случайно не знаете, кто этот волшебник в круглых очках и с крупными белыми зубами?

Миссис Андервуд озадаченно нахмурилась.

– Должно быть, это Саймон Лавлейс. Замминистра торговли. Зубы и вправду примечательные, правда? Я слыхала, его называют восходящей звездой. А что, ты с ним познакомился?

– Да. Познакомился.

«Ты ни на что не способен».

– С тобой точно все в порядке? Ты очень бледен.

– Спасибо, миссис Андервуд, все в порядке. Я пойду наверх.

– Мисс Лютьенс ждет тебя в комнате для занятий.

«Ты совершенно беспомощен».

– Хорошо, миссис Андервуд, я уже иду.

Но Натаниэль не пошел в комнату для занятий. Медленным, размеренным шагом он дошел до мастерской наставника. Пыль, покрывающая грязные бутылки, поблескивала на солнце и мешала разглядеть их содержимое.

Натаниэль подошел к рабочему столу, покрытому пятнами и небольшими впадинками. На столе были разложены диаграммы, над которыми он работал вчера.

«Ты слишком слаб, чтобы дать сдачи».

Натаниэль остановился и взял в руки небольшую стеклянную коробку, в которой с жужжанием сновали шесть существ.

Это мы еще посмотрим!

Все так же медленно и размеренно Натаниэль подошел к шкафу и выдвинул один из ящичков. Ящик был покороблен и на полдороге застрял. Натаниэль осторожно поставил стеклянную коробку на стол и пару раз сильно дернул ящик. Там среди множества прочих инструментов лежал маленький стальной молоток. Натаниэль достал молоток, подобрал коробку и, не задвинув на место ящик, покинул залитую солнцем мастерскую.

Остановившись на прохладной, затененной лестничной площадке, он мысленно повторял Слова Управления и Контроля. Букашки с удвоенным рвением принялись носиться и жужжать в своем узилище, так, что стеклянный ящичек дрожал в руках у Натаниэля.

«Ты ни на что не способен».

Гости расходились. Дверь отворилась, и показалось несколько волшебников. Мистер Андервуд проводил их до выхода. Обычный обмен любезностями, слова прощания. Никто не заметил бледного мальчика, следившего за ними с лестницы.

Надо назвать нужное имя после первых трех команд, но перед последней. Это нетрудно – если, конечно, не запнуться. Натаниэль еще раз мысленно перебрал нужные слова. Нет, все в порядке.

Еще несколько волшебников удалились. Пальцы Натаниэля были холодными, но там, где они соприкасались с коробкой, на коже проступил пот.

Наконец из гостиной вышли молодой волшебник и два его спутника. Они оживленно беседовали. Склизкий тип отпустил какое-то замечание, и остальные рассмеялись. Двое гостей лениво, неспешно приблизились к наставнику Натаниэля, стоявшему у двери.

Натаниэль крепко сжал молоток.

Он вытянул руку с ящиком перед собой. Ящик вибрировал.

Старик пожал руку мистеру Андервуду. Молодой волшебник шел следующим, и он уже поглядывал на улицу, словно ему не терпелось поскорее уйти.

Натаниэль громко произнес первые три команды, назвал имя Саймона Лавлейса и добавил завершающее слово.

А потом разбил ящик.

Звон стекла, неистовое гудение. Осколки дождем обрушились на ковер. Шесть крошечных демонов вырвались из темницы и молнией ринулись вниз, нетерпеливо выставив жала.

Волшебники едва успели поднять головы, а букашки уже добрались до них. Три твари нацелились напрямик в лицо Саймону Лавлейсу. Он вскинул руку и быстро начертил какой-то знак. Демоны превратились в огненные шары; их отбросило к стене, и там они взорвались. Еще три букашки нарушили приказ. Две накинулись на склизкого, одутловатого волшебника. Тот вскрикнул, отшатнулся, перевалился через порог и грохнулся на садовую дорожку. Букашки покрутились в воздухе и ринулись на упавшего, выискивая незащищенные места. Склизкий тип отчаянно замолотил руками – но тщетно. Демоны все-таки куснули его несколько раз, и каждый укус сопровождался отчаянным воплем. Еще одна букашка

устремилась к старику. Тот вроде бы ничего и не делал, но в нескольких дюймах от его лица мелкая тварь вдруг резко затормозила, кувыркнулась и устремилась прочь – но потеряла равновесие и приземлилась рядом с Саймоном Лавлейсом. Тот втоптал ее в ковер.

Артур Андервуд с ужасом смотрел на происходящее. Но теперь он опомнился. Он подскочил к гостю, корчившемуся на цветочной клумбе, и резко хлопнул в ладоши. Две букашки, орудия мщения, оглушенными шлепнулись на землю.

Тут Натаниэль решил, что разумнее будет отступить.

Он потихоньку пробрался в комнату для занятий. Мисс Лютьенс сидела за столом и читала какой-то журнал. Она улыбнулась Натаниэлю.

– Ну, как твои успехи? Что-то вечеринка выдалась шумная. Мне даже послышался звон бьющегося стекла.

Натаниэль не ответил. У него перед глазами стояла картина: три демона, отлетающие к стене и там взрывающиеся. Его начало трясти, не то от страха, не то от гнева и разочарования, он и сам толком не знал.

Мисс Лютьенс быстро поднялась из-за стола.

– Натаниэль, подойди ко мне. Что случилось? Почему у тебя такой нездоровый вид? Да ты дрожишь!

Она обняла мальчика, и Натаниэль уткнулся лицом ей в бок и закрыл глаза. Лицо его горело. Ему было одновременно и холодно, и жарко. Мисс Лютьенс что-то говорила, но он не мог ничего ответить...

И тут дверь комнаты распахнулась, словно от удара.

На пороге стоял Саймон Лавлейс; очки его сверкали в солнечных лучах, бьющих в окно. Он выкрикнул команду. Натаниэля оторвало от мисс Лютьенс и подняло в воздух. На мгновение он завис между полом и потолком и успел за это время заметить еще двоих волшебников за спиной у Лавлейса, а где-то за ними – его наставника.

Натаниэль услышал, что мисс Лютьенс что-то кричит, но тут его перевернуло вверх ногами, кровь прилила к голове, ее стук заглушил все звуки.

Потом его развернуло задом кверху; голова, руки и ноги беспомощно болтались. Чья-то невидимая рука – или невидимая палка – ударила его по ягодицам. Натаниэль завопил и принялся брыкаться и лягаться. Рука опустилась снова, на этот раз – сильнее. И еще раз. И еще...

Натаниэль перестал брыкаться задолго до того, как неумолимая рука закончила трудиться. Он висел, не осознавая ничего, кроме жгучей боли и унижительности наказания. И оттого, что мисс Лютьенс все это видела, наказание сделалось еще более жестоким, куда более жестоким, чем Натаниэль мог выдержать. Он отчаянно желал умереть. И когда в конце концов темнота окутала его и куда-то повлекла, он возрадовался этому всем сердцем.

Невидимые руки отпустили его, но Натаниэль потерял сознание еще до того, как ударился об пол.

Натаниэля на месяц заточили в его комнате и подвергли множеству наказаний и лишений. После первой серии кар наставник решил подвергнуть его бойкоту, и Натаниэль был полностью отрезан от внешнего мира – только миссис Андервуд приносила ему еду и выносила ночной горшок. Натаниэля не водили на уроки и не давали ему никаких книг. Он сидел у себя и от рассвета до заката смотрел туда, где над лондонскими крышами возвышалось здание Парламента.

Он сошел бы с ума от одиночества, если бы не нашел под кроватью когда-то закатившуюся туда шариковую ручку. Ручка и бумага помогли ему скоротать часть времени: он рисовал то, что видел из окна. Когда ему надоедало рисовать, Натаниэль самозабвенно писал

прямо поверх рисунков подробные, проработанные планы и заметки и прятал их под матрас, когда на лестнице раздавались шаги. Эти заметки были началом мести Натаниэля.

К великому огорчению Натаниэля, мистер Андервуд запретил жене разговаривать с ним. И хотя Натаниэль чувствовал, что миссис Андервуд отчасти сочувствует ему, это было слабым утешением. Он ушел в себя и не заговаривал с ней, когда она навевалась к нему. И потому лишь через месяц, когда его заточение окончилось и занятия вновь возобновились, Натаниэль узнал, что мисс Лютьенс уволена.

13

Всю долгую, дождливую осень Натаниэль при первой же возможности уходил в сад. Когда погода была хорошая, он брал с собой книги из шкафа наставника и жадно глотал страницу за страницей, а листья падали на газон и каменную скамью. В дождливые дни он просто сидел и смотрел на мокрые кусты, а мысли его бродили по знакомым дорожкам горечи и отщепености.

Натаниэль делал большие успехи, но душу его жгла ненависть. Все ритуалы вызова духов, все заклинания, при помощи которых можно защититься от нападения, все слова силы, позволяющие врезаться непослушному демону или мгновенно отослать его, – Натаниэль читал все это и запоминал. Если ему попадалось какое-нибудь трудное место – например, написанное на самаритянском или коптском, или сокрытое каким-нибудь зубодробительным руническим шифром, – и Натаниэль падал духом, ему довольно было лишь взглянуть на серо-зеленое изваяние Глэдстоуна, и к нему тут же возвращалась решимость.

Глэдстоун мстил всякому, кто оскорблял его. Он защищал свою честь и тем прославился. Натаниэль намеревался поступить точно так же. Но он более не позволял нетерпению брать над собою верх. Теперь он использовал нетерпение, чтобы подстегивать себя. Он хорошо усвоил болезненный урок и намеревался перейти к действиям лишь тогда, когда будет полностью готов. И на протяжении долгих, одиноких месяцев он неустанно трудился, дабы достичь своей первой цели – унижить Саймона Лавлейса.

В исторических книгах, проштудированных Натаниэлем, часто описывались стычки соперничающих волшебников. Иногда в этих столкновениях брали верх более могущественные маги – но зачастую более слабому волшебнику удавалось победить хитростью и коварством. Натаниэль не собирался в открытую бросать вызов своему грозному врагу – во всяком случае, до тех пор, пока не вырастет. Нет, он оплатит обидчику иначе.

Обычные уроки превратились для Натаниэля в нудную помеху. С того самого момента, как они возобновились, он научился изображать повинование и искреннее раскаяние. Он намеревался убедить Артура Андервуда в том, что стыдится своей злой выходки. Натаниэль никогда не снимал этой маски, даже когда ему приходилось выполнять в мастерской самые утомительные и примитивные задания. Если он допускал какую-нибудь пустячную ошибку и наставник принимался читать ему нотации, Натаниэль не позволял себе ни малейших проявлений досады. Он просто опускал голову и спешил исправить ошибку. Внешне он сделался идеальным учеником. Он беспрекословно слушался учителя и никогда не жаловался, что их занятия движутся черепашим шагом.

По правде говоря, все это было вызвано тем, что Натаниэль больше не считал Артура Андервуда своим наставником. Его наставниками были волшебники давних дней, говорившие с ним языком своих книг, позволявшие ему учиться теми темпами, какие его устраивали, и предлагавшие его жаждущему знаний разуму все новые и новые чудеса. Они не относились к нему свысока и не предавали его. Артур Андервуд лишился права на повинование и уважение Натаниэля, когда не пожелал защитить его от насмешек и побоев Саймона Лав-

лейса. А Натаниэль знал, что так не делается. Ученикам всегда внушалось, что наставник для них все равно что родитель. Наставники оберегали учеников до тех пор, пока те не становились достаточно взрослыми, чтобы самим постоять за себя. А Артур Андервуд не захотел его защищать. Он просто стоял и смотрел, как Натаниэля унижают – сперва в гостиной, а потом и в комнате для занятий. Почему? Да потому, что он трус, он испугался могущества Лавлейса.

И хуже того – он уволил мисс Лютьенс.

Из коротких разговоров с миссис Андервуд Натаниэль узнал, что, пока он болтался в воздухе, а бес Лавлейса лупил его, мисс Лютьенс изо всех сил пыталась спасти своего ученика. Официально ее уволили «за недопустимую дерзость», но Натаниэль понял по некоторым намекам, что мисс Лютьенс попыталась ударить мистера Лавлейса, – но спутники волшебника помешали ей.

Когда Натаниэль думал об этом, у него кровь закипала в жилах – даже сильнее, чем при мысли о собственном унижении. Она пыталась защитить его, сделать то, что должен был сделать мистер Андервуд, его наставник, – а ее уволили!

Натаниэль знал, что никогда не простит этого своему наставнику.

Когда мисс Лютьенс ушла, единственным человеком, чье общество доставляло Натаниэлю хоть какое-то удовольствие, стала миссис Андервуд. Ее доброта скрашивала дни учебы, холодную отрешенность наставника и безразличие преподавателей. Но Натаниэль не мог посвятить ее в свои планы: слишком уж они были опасны. Кто стремится к силе и безопасности, должен хранить тайну. Настоящий волшебник не советуется ни с кем.

Несколько месяцев спустя Натаниэль устроил себе первое настоящее испытание – вызов мелкого беса. Конечно, в этом был определенный риск. Натаниэль хорошо освоил заклинания, но у него не было контактных линз, позволяющих следить за первыми тремя планами, к тому же он еще так и не получил официального имени. И то и другое ему должны были дать по достижении совершеннолетия, но Натаниэль не мог ждать так долго. Ничего, пока сойдут и очки. Что же касается имени – он не даст демону возможности узнать его.

Натаниэль украл из мастерской кусок старой листовой бронзы и после долгих усилий вырезал из нее грубый диск. Он несколько недель полировал этот диск и вручную, и на полировальном круге, пока кусок бронзы не превратился в зеркало.

Потом Натаниэль дождался выходного дня, когда и наставник, и миссис Андервуд ушли из дома. Как только их машина отъехала, Натаниэль принялся за работу. Он скатал ковер в своей комнате и нарисовал мелом на дощатом полу два простых пентакля. Несмотря на то что в комнате было холодно, Натаниэля бросило в пот. Он задернул шторы и зажег свечи. Между кругами он поставил чашу из рябины и орешника. (Чаша требовалась всего одна, поскольку этот бес считался слабым и трусливым.) Когда все было готово, Натаниэль положил в центре того круга, в котором должен был появиться демон, полированный бронзовый диск. Затем он надел очки, накинул потрепанную рабочую куртку, которую нашел в мастерской учителя, и шагнул в свой круг, чтоб начать заклинание.

У Натаниэля сразу пересохло во рту, но он все-таки произнес шесть слов заклинания и выкрикнул имя демона. Он слегка охрип и пожалел, что не додумался прихватить с собой стакан воды. Нельзя было произнести неправильно ни единого слова.

Затаив дыхание, Натаниэль выждал девять секунд: за это время его голос должен был донестись сквозь пустоту в Иное Место. Потом он отсчитал еще семь секунд, за которые звук имени должен был пробудить демона. И в заключение Натаниэль отсчитал еще три секунды, за которые демон...

...и тут в круге появился голенький младенец. Он парил в воздухе и сучил ручками и ножками, словно плыл на месте. Его желтые глаза мрачно уставились на Натаниэля. Бес поджал красные губки и высокомерно сплюнул.

Натаниэль произнес слова Заточения.

Младенец негодуяще загугукал и замолотил пухлыми ручонками, а ноги его повлекло к сверкающему бронзовому диску. Приказ оказался слишком силен: младенец вытянулся и превратился в цветной поток. Поток завертелся спиралью и устремился к диску, словно вода из ванны – в отверстие слива. На мгновение в толще диска показалась негодующая физиономия беса – нос приплюснен к поверхности, – а потом ее скрыла сияющая дымка, и поверхность диска вновь очистилась.

Натаниэль произнес несколько заклинаний, чтобы запечатать диск и проверить, нет ли каких ловушек. Но все было чисто. Натаниэль вышел из круга. У него подгибались ноги.

Его первый вызов демона прошел успешно.

Плененный бес оказался угрюмым и нахальным, но при помощи небольшого заклинания, действующего примерно так же, как электрический разряд, Натаниэлю удалось убедить его показывать события, происходящие где-нибудь в отдалении. Бес умел пересказывать подслушанные разговоры и передавать изображение на диск.

Натаниэль хранил свое примитивное, но вполне действующее гадательное зеркало снаружи, под выступом черепичной крыши. С его помощью он узнал множество полезных вещей.

Для начала он велел бесу показать, что происходит в кабинете наставника. Натаниэль следил за волшебником целое утро и выяснил, что Андервуд большую часть времени висит на телефоне, пытаясь идти в ногу с политическими событиями. Старого волшебника не покидала параноидальная уверенность, что его враги в Парламенте только и думают, как бы его погубить. Натаниэля это в принципе заинтересовало, но частности были чересчур скучны, и он вскоре перестал шпионить за своим наставником.

Потом он отыскал мисс Лютъенс. Поверхность диска заволочло дымкой, потом дымка рассеялась, и Натаниэль – сердце его забило быстрее – увидел свою учительницу такой, какой он ее помнил. Она улыбалась... и вела урок. Картинка немного сместилась, и в диске появился маленький, щербатый мальчишка-подмастерье. Он что-то лихорадочно рисовал в альбоме и явно ловил каждое слово мисс Лютъенс. У Натаниэля защипало глаза, от ревности и горя. Он сдавленным голосом приказал изображению исчезнуть и скрипнул зубами, услышав злорадный хохот беса.

Затем Натаниэль перенес внимание на главный свой объект. Однажды поздно вечером он приказал бесу показать ему Саймона Лавлейса, но вместо этого, к замешательству Натаниэля, в бронзовом зеркале появилась младенческая физиономия.

– Ты что делаешь? – возмутился Натаниэль. – Я отдал тебе приказ – выполняй его!

Младенец сморщился и басовитым, совершенно не вяжущимся с его внешностью голосом произнес:

– Проблемка есть. Этот тип хитрый. Ясно? Он барьеров понатыкал. Не уверен, что обойду их. Могут стрястись неприятности – ежели ты понимаешь, о чем я.

Натаниэль угрожающе пошевелил рукой.

– Так ты говоришь, что это невозможно?

Младенец скривился и осторожно высунул изо рта заостренный язычок, словно пыталсялизать старую рану.

– Да нет, не невозможно. Просто трудно.

– Тогда делай, что велено.

Младенец тяжело вздохнул и исчез. Последовала краткая пауза, а затем на диске постепенно проступило изображение. Оно мигало и плыло, словно в плохо настроенном телевизоре. Натаниэль выругался. Он уже готов был произнести слово Кары, но потом подумал, что это, наверное, все, на что бес способен. Натаниэль наклонился над диском и стал всматриваться изо всех сил...

Какой-то мужчина сидел за столом и что-то быстро печатал на клавиатуре ноутбука.

Натаниэль нехорошо сощурился. Это был Саймон Лавлейс собственной персоной.

Бес благоразумно устроился на потолке, и Натаниэль хорошо видел комнату, в которой сидел волшебник. Правда, изображение получалось немного искаженным, словно через линзу «рыбьего глаза». В комнате царил полумрак. Единственным источником света была лампа на столе у Лавлейса. Позади виднелись темные шторы, длинные, от потолка до самого пола.

Волшебник продолжал печатать. Он был одет в смокинг; узел галстука был ослаблен. Пару раз волшебник почесал нос.

Внезапно изображение заслонило лицо младенца.

– Не могу больше, – пропыхтел он. – Устал очень. И я тебе честно скажу – ежели мы будем слишком долго тут ошиваться, будут крупные неприятности.

– Ты будешь оставаться там столько, сколько я тебе велю! – огрызнулся Натаниэль.

Он произнес слово, и младенец зажмурился от боли.

– Ладно, ладно! Изверг! Как ты только можешь так обращаться с несчастным младенцем!

Детское личико исчезло, и в бронзовом зеркале появилось прежнее изображение. Лавлейс сидел все на том же месте и все так же печатал. Натаниэлю очень хотелось поближе взглянуть на бумаги на столе у Лавлейса, но он знал, что волшебники часто держат при себе датчики, чтобы засекать проявления магии рядом с собой. Нет, приближаться неразумно. Ему и отсюда хорошо видно...

Натаниэль подскочил.

В комнате Саймона Лавлейса находился кто-то еще; он стоял в тени, рядом со шторами. Натаниэль не видел, как он вошел. Не видел этого и волшебник, который так и продолжал стучать по клавиатуре, сидя спиной к гостю – высокому, крепко сбитому мужчине, закутанному в кожаный дорожный плащ. И плащ, окутывавший фигуру незнакомца с головы до пят, и сапоги гостя были заляпаны грязью. Густая черная борода скрывала чуть ли не большую часть лица. Над бородой виднелись поблескивающие в темноте глаза. Отчего-то при взгляде на этого человека по спине у Натаниэля поползли мурашки.

Очевидно, неизвестный что-то сказал или издал какой-то звук, потому что Саймон Лавлейс дернулся и резко обернулся.

Изображение замерцало, потускнело, проступило снова. Натаниэль выругался и наклонился еще ниже. Сцена в зеркале за эти несколько секунд успела измениться. Гость и хозяин теперь оказались рядом – бородач в плаще подошел к столу. Саймон Лавлейс что-то быстро говорил ему. Он протянул руку, но неизвестный коротким кивком указал на стол. Волшебник кивнул, выдвинул ящик, извлек оттуда мешок и вытряхнул его содержимое на столешницу. Из метка посыпались пачки банкнот.

Бронзовый диск заговорил, хрипло и настойчиво.

– Я просто хотел тебя предупредить – пожалуйста, не надо больше меня бить! – что туда идет какой-то наблюдатель. Он в двух комнатах оттуда и приближается. Нам надо смаываться, босс, и побыстрее.

Натаниэль прикусил губу.

– Оставайся там до последней возможности. Я хочу видеть, за что он платит. И запомни их разговор.

– Босс, ты роешь себе могилу.

Незнакомец выпростал из-под плаща руку в перчатке и медленно сложил банкноты обратно в мешок. Натаниэль едва не скакал от ярости – бес в любой момент может смыться оттуда, и тогда он, Натаниэль, так и не выяснит, что означала эта сцена!

К счастью, Саймон Лавлейс вполне разделял его нетерпение. Он снова протянул руку, на этот раз – более настойчиво. Незнакомец кивнул. Он запустил руку под плащ и достал небольшой пакетик. Волшебник тут же вцепился в него и принялся сдирать обертку.

– Он в дверях! – взвыл бес. – Сматываемся!

Но Натаниэль все-таки успел увидеть, как его враг справился с оберткой и извлек из пакетика что-то блестящее, – а потом изображение исчезло.

Натаниэль произнес короткую команду, и в зеркале неохотно возникло лицо младенца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.